

Ранняя осень.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Ев. Карпова.

Къ представленію дозволено. Петербургъ, 1-го декабря 1890 года.

Представлена въ 1-й разъ на сценѣ Московскаго Малаго театра 18 января 1891 г.
въ бенефисъ И. П. Уманецъ-Райской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аванасій Герасимовичъ Сокольскій, зажиточный помѣщикъ, старикъ лѣтъ за 50; живой, бодрый, подвижной. Умное, добродушное лицо, сильно загорѣвшее, густые съ просѣдью волосы острижены въ скобку, окладистая борода. Ходитъ быстро, съ развалочей, говорить слегка запинаясь. Одѣтъ въ парусинную пару, большіе сапоги, шляпа самбреро . . . . . 1. *Макшеевъ.*

Егоръ Дмитріевичъ Куманинъ, директоръ акціонерной компаніи, нѣсколько уже ожирѣвшій, но еще красивый человѣкъ, лѣтъ 37; одѣтъ по модѣ, но небрежно. . . . . 1. *Горевъ.*

Анна Аванасьева — его жена, дочь Сокольскаго, красивая, изящная, нервная женщина, лѣтъ 30. Одѣта эксцентрично, съ большимъ вкусомъ . . . . . 1-жа *Ермолова.*

Петръ Григорьевичъ Силачевъ, помѣщикъ, близкій сосѣдъ Сокольскаго, старикъ лѣтъ 50. Очень молодится, носитъ эспаньолку и небольшіе усы. Восторженъ не по лѣтамъ; жестикулируетъ, театральничая и рисуясь. Убѣжденъ, что еще можетъ нравиться женщинамъ, а потому слегка кокетничаетъ. . . . . 1. *Рыбаковъ.*

Варя — его дочь, недуренькая, простая дѣвушка, лѣтъ 20, съ русскимъ типомъ лица. Держится просто, съ большимъ достоинствомъ. Одѣта въ русскій сарафанъ. . . . . 1-жа *Уманецъ-Райская.*

Людмила Григорьевна — сестра Силачева, дѣвушка лѣтъ за 40. Одѣта небогато, но по модѣ; много моложе своихъ лѣтъ. . . . . 1-жа *Никулина.*

Константинъ Васильевичъ Дробышевъ, технологъ, управляющій фабрикою наслѣдниковъ Животовыхъ. Красивый человѣкъ, лѣтъ 32 . . . . . 1. *Южинъ.*

Дронычъ — управляющій въ имѣніи Сокольскаго, старикъ изъ бывшихъ дворовыхъ, лѣтъ 60. Въ длиннополномъ сюртукѣ, брюки въ сапоги. . . . . 1. *Гетиманъ.*

Даша — горничная Куманиной, дѣвушка 20 лѣтъ. . . . . 1-жа *Таланова.*

Павелъ — слуга Дробышева, изъ рабочихъ, сѣтливый парень, въ русскомъ платьѣ, лѣтъ 22—23. . . . . 1. *Никифоровъ.*

Вознесенскій, докторъ. . . . . 1. *Невскій.*

Параня, дѣвушка въ домѣ Сокольскаго. . . . . 1-жа *Колосова.*

Дѣйствіе происходитъ въ наше время, въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губ., 1-е и 2-е дѣйствіе — въ деревнѣ Сосновкѣ, 3-е — на фабрику, въ квартирѣ Дробышева. 4-е — въ уѣздномъ городѣ, въ тюремной больницѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Паркъ въ усадьбѣ Сокольскаго. На первомъ планѣ, посрединѣ, — большая терраса дома, около нея группа пышныхъ липъ. Среди нихъ — круглый столъ, садовая скамья и нѣсколько садовыхъ стульевъ. На авансценѣ, у террасы, — круглый садовый столикъ и два стула. На лѣвой сторонѣ, на первомъ планѣ, вся обитая хмелемъ и повелюшкой, бесѣдка. На заднемъ планѣ — озеро; берегъ его покрытъ густой травой. За озеромъ, на той сторонѣ, на невысокомъ пригоркѣ, видно зданіе фабрики, и около — избы рабочей слободки. Заходящее солнце освѣщаетъ сцену отблескомъ зари.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Куманинъ и Силачевъ.

(При открытіи занавѣсы, Куманинъ и Силачевъ сидятъ за круглымъ столомъ и играютъ въ шахматы. Силачевъ сосредоточенно думаетъ, смотря на шахматную доску. Куманинъ любитъ видѣть спокойнаго озерца и напѣваетъ вполголоса пѣсенку изъ Риголетто.)

Куманинъ (послѣ продолжительнаго созерцанія и мурлыканья). Тишина-то какая... Поразительная тишина... Ни звука... Точно вымерло все... И вѣтеръ не шелухнетъ... Ни одинъ листокъ не дрогнетъ... Экій вечеръ чудный!.. (продолжаетъ напѣвать.)

Силачевъ (переставляя пѣику). Да-а... Вамъ, я думаю, это очень дико!.. Послѣ столькаго оживленія, вѣчнаго шума... Я, признаться, долго не могъ привыкнуть здѣсь.. Мертвячина-съ...

Куманинъ (переставляя пѣику). Вотъ такъ пойдетъ... Все хорошо въ мѣру, Петръ Григорьевичъ!..

Силачевъ. Да, натурально... Но, знаете, я, какъ говорится, того... Я не могу... (переставляя пѣику.) Я, первое время, буквально плакалъ, какъ малый ребенокъ... Я не могу повясть деревни... Какъ же можно сравнить... Помилуйте... Жизнь, движеніе, общество, театр, умственные интересы!.. Это, дѣйствительно, того... Это жизнь!..

Куманинъ (улыбаясь). А коня я все-таки для вѣрности возьму...

Силачевъ. Позвольте!.. Какъ же это я, того? Прозѣвалъ, какъ говорится... Увлекся... (передвигая фигуру.) Не могу, знаете, Егоръ Дмитриевичъ, безъ волненія вспомнить... Боже, что это была за жизнь!.. И вдругъ — Совсвока!.. Для человѣка интеллигентнаго, съ горячимъ сердцемъ... Могила-съ!.. Окончательно могила-съ!..

Куманинъ (лѣниво). Теперь мы возьмемъ туру.

Силачевъ (привскакивая). Какъ, туру?!.. Почему же, того? На какомъ основаніи?

Куманинъ (улыбаясь). На точномъ основаніи законовъ. Не стой на дорогѣ!

Силачевъ. Ахъ, канальство! а! Вѣдь эдакъ я, пожалуй, того, партію проиграю.

Куманинъ. Очень можетъ быть... (Напѣваетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Куманинъ, Силачевъ, Сокольскій и Дронычъ. Сокольскій (торопливо входитъ, продолжая быстро и громко говорить Дронычу, идущему слѣдомъ за нимъ.)

Сокольскій. Завтра утромъ непремѣнно всѣ конны убрать съ полей. Дождя, какинъ, не будетъ.

Дронычъ. Не должно быть. Солнышко чистое садится.

Сокольскій. И прекрасно. За погоду убежся. Отлично!

Дронычъ. На что лучше... Очень превосходно, батюшка, баринъ.

Сокольскій (останавливаясь въ лабунѣ). А ты, Дронычъ, хорошенько молотилку острити... Чтобы все было въ исправности.

Дронычъ. Слушаю-съ.

Сокольскій. Да я, пожалуй, самъ постою... Вотъ только рюмочку пропущу и приду.

Куманинъ (переставляя пѣику). Шахъ королю!

Сокольскій. Да скажи ты этой кривой шельмѣ, Федькѣ, чтобы онъ завтра же бѣжалъ въ городъ, въ больницу. Безъ глаза, вѣдь, онъ, дуракъ, можетъ остаться. Этакая упрямая скотина!

Дронычъ. Боже упаси... Осмѣлюсь доложить, батюшка баринъ, Митрій телушку проситъ у вашей милости. Опосля, гырть, заслужишь барину... Самъ-отъ поопасился придти.

Сокольскій. Дуракъ! А гдѣ же у него корова?

Дронычъ. То-то околѣла у него корова батюшка баринъ.

Сокольскій. Хорошо. Можно будетъ дать. Я самъ потомъ приду въ телатникъ. А ты скажи Маврѣ, чтобы она ему молока давала по крынкѣ. Дѣтишки у него есть?

Дронычъ. Двое ребятковъ, махонькіе.

Сокольскій. Такъ ты скажи Маврѣ! Или себѣ, Дронычъ!

(Дронычъ уходитъ.)

Сокольскій (идя къ дому, говоритъ про себя). Ну, теперь, кажется, все. Вотъ только молотилку...

Куманинъ (громко). Шахъ и матъ!

Силачевъ (вскрикивая). Разбилъ! На голову разбилъ! (*становясь въ позу.*) Паль Пріама градъ священный!

Сокольскій (подходя). И по дѣломъ тебѣ, сосновскому пижону!.. Ха, ха, ха! По дѣломъ. Ха, ха, ха! И какъ только вамъ не стыдно, какъ не совѣстно!.. (*указывая на Силачева.*) Про этого я не говорю, этотъ совѣтъ отпѣтый; три года безвыѣздно въ деревнѣ живетъ, льна отъ гречихи отличить не можетъ, а ты-то хороши—ничего сказать!

Куманинъ (вставая). А что такое?

Сокольскій (горячо). Да кто же, скажи на милость, въ такой вечеръ за шахматами сидеть? Хотъ бы ты по полямъ прошелся, погулялъ.

Куманинъ (мимово). Да что же тамъ, ва полятъ, любопытнаго? Поля, какъ поля!

Сокольскій. Эфиопъ ты, совершенный эфиопъ! Ты, кажется, совѣтъ очумѣлъ. У тебя въ головѣ кромѣ цифири ничего не осталось.

Куманинъ. Пожалуй, что мало кое-чего осталось.

Силачевъ (сбравъ въ ящикъ шахматы). Нѣтъ, какъ вы меня того... Я не ожидалъ... Въ шесть ходовъ, а?... Это, просто, удивительно! Не ожидалъ!

Сокольскій. Да ты съ кѣмъ связался-то?... Гдѣ-же тебѣ съ нимъ играть!.. Это, братъ, столичная штука... Пальца въ ротъ не клади—откусить!

Куманинъ (улыбаясь). На томъ стоишь... Отхватить и не услышите!

Сокольскій. Слышалъ!.. Какое живоглотъ!.. Ха, ха, ха!... (*Куманину.*) И ничего?... Изъ души не воротить? А?

Куманинъ (полушутя). Да, вѣдь, какъ сказать... Какъ не воротить?... Иной разъ такъ воротить, что не приведи Царца Небесная!

Сокольскій (улыбаясь). А нельзя?... Назвал-ся груздемъ—погѣзай въ кузовъ.

Куманинъ. Да... Ничего не подблаетъ... Какъ бѣлка въ колесѣ вертись... Отъ одной цифири, въ самомъ дѣлѣ, очумѣешь... Прожекты сочиняешь, акціи покупаешь, закладываешь, продаешь, балансы сводишь, акціонерамъ врешь, служащимъ врешь, самъ себя врешь...

Сокольскій. Да-ну!

Куманинъ. Честное слово... Да, вѣдь, какъ врешь-то! Со слезами на глазахъ иной разъ врешь... До высокаго паюса доходишь... Положительно минуты спокойной нѣтъ... То на службу, въ правленіе, то на биржу, то куда-нибудь съ нужнымъ человѣчкомъ обѣдать къ Контану, то въ общее собраніе, то въ винтишко гдѣ нибудь, то чашка чаю... Когда-же тутъ?... Сами посудите... Положительно дышать некогда.

Сокольскій (улыбаясь). Да, трудное житье!

Силачевъ (восторженно). Жизни!.. Жизнь въ полномъ значеніи этого слова!...

Куманинъ. Просто, какъ самоваръ на хорошемъ постояломъ дворѣ—цѣлый день такъ и кипишь, такъ и бурлишь...

Силачевъ (восторженно). А вечеромъ трючку, чортъ побери, этакихъ дьяволовъ, которые!.. На острова, канальство! Въ Аркадію!.. Съ этакой, того... дамочкой!.. Заманчиво, тысячу чертей!.. (*затывая.*) «Эхъ, морозъ, морозецъ, аленькія щечки!»...

Сокольскій. Экъ его раззадорил! Ха, ха, ха!.. Ишь какъ разбирается!.. Ха, ха, ха!.. Ахъ, ты пижонъ, пижонъ!.. И когда только ты угомонишься... Когда только ты...

Силачевъ (недовольный). Никогда!.. Никогда я не примирюсь съ Сосновкой вашей!.. Никогда!.. (*отходитъ и, заложивъ руки въ карманы, прохаживается.*)

Сокольскій. Истинно ты уловредный человѣкъ, Шьеръ!.. Истинно, уловредный!.. И что-бы ты дѣлалъ, если бы не Варвара Петровна?...

Куманинъ. А знаете, Аванасій Герасимычъ, я вторую недѣлю живу въ Сосновкѣ, а меня вотъ тоже начинаетъ тянуть въ Питеръ... Не по себѣ мнѣ здѣсь что-то!...

Сокольскій (тревожно). Да что-же такое, братъ?... Почему?

Куманинъ. Мысли не хорошія въ голову лѣзутъ... Раздумье беретъ... Не хорошо... Просто не хорошо... Душа требуетъ своихъ правъ... Отошла на досугъ... Я радъ, что хоть Аня не скучаетъ здѣсь... Я, признаться, побавлялся этого.

Сокольскій (озабоченно). А въ Питерѣ ова какъ?... Скучаетъ развѣ?

Куманинъ. Да... временами... У ней, вѣдь, все порывами... Блажить временами...

Сокольскій. Блажить?... Ей бы у меня, въ Сосновкѣ, годикъ-другой пожить.

Силачевъ (горячо). Вотъ, вотъ... Прекрасно!.. Великолѣпно!—Молодую, прекрасную женщину замуравить въ Сосновкѣ!.. Очень хорошо!.. Что-же Анна Аванасьевна будетъ здѣсь дѣлать?... Да, вѣдь, она зачахнетъ отъ одной скуки! Вѣдь это безуміе! Вѣдь, это вандализмъ!..

Сокольскій. Да не сердись ты, пожалуйста, не сердись!.. Не говори ты страшныхъ словъ...

Силачевъ (горячо). Нѣтъ, меня положительно это бѣситъ!.. Земля, деревня, земля... опять земля... Съуна можно сойдти!.. Отъ этой отъ земли... того... просто, какъ говорится,—не пройти, не проѣхать!.. Позвольте, наконецъ!—Нельзя-же такъ... Вы помѣшались на «землѣ». Положительно помѣшались!..

Сокольскій (беря его подъ руку). Да полно тебѣ кипятиться—то... полно!.. Чѣмъ бы мнѣ тебя угомонить?... Чѣмъ унаслить?

Силачевъ (недовольный). Ничего мнѣ не на-

до!... Но я не могу!... Я въ принципѣ съ этикъ не могу!...

Сокольскій (*уводя его къ террасу*). Ну, а полынчику можешь выпить, а?... Закуска какая есть — пальчики оближешь!...

Силачевъ. Почену же, того... отчего же... Самое время... А какая закуска, а?

Сокольскій (*входя на террасу*). Удивительная!... (*Куманину*.) Егоръ Дмитриевичъ, пойдешь, пропустишь по одной... Передъ чаемъ и нищички пьютъ, а?... Пойдешь, что ли?

Куманинъ. Не хочется что-то... (*садится*.)

Сокольскій. Ну, какъ знаешь... Была бы честь предложена... (*Силачеву, улыбаясь*.) Такъ ты говоришь — земля?

Силачевъ (*закриная*). Я прошу тебя, Аванасій Герасимовичъ, оставь! — До блага калябня могу дойти... (*Останавливаясь*.) Земля, земля... Мужики... Сермяга!... Невозможно!... Задушили овчиной... (*Уходя*.) Позвольте воздуху, свѣту!... Дышать нечѣмъ...

Сокольскій (*добродушно смѣясь*). Ахъ, ты эстетикъ!... Ахъ, пижонъ!... Ха, ха, ха, ха!... (*Уходятъ*.)

Куманинъ (*нѣкоторое время сидитъ и напиваетъ пѣсенку*). Да... Хорошо здѣсь!... А вотъ на душѣ — все кошки скребутъ... «Совѣсть пѣсню свою заливаетъ... Я совѣтую гнать ее прочь!»... Нѣтъ, не то... И съ чего это Аня такъ ужъ очень оживлена?... Съ чего это на нее восторженность нашла?... Боюсь я всегда этого, какъ огня... (*вставая*.) Эхъ, чортъ знаетъ, что въ голову лѣзетъ... Вѣчныя тревоги, волненіе изъ-за выѣденнаго яйца... (*За сценой хохотъ*.) Кто это?... (*прислушиваясь*.) Аниинъ голосъ... Съ кѣмъ это ей такъ весело?... Аня (*за сценой весело смѣется*). Ха, ха, ха, ха!... Да перестаньте дурачиться!... Ха, ха, ха, ха!... Какъ вамъ не стыдно!... Ха, ха, ха!... Точно наленькій!...

Куманинъ. Съ кѣмъ это она танцъ?...

Анна (*приблизилась*). Я разсержусь!... Ха, ха, ха, ха!... Какой вы уморительный! Ха, ха, ха, ха!... Точно наленькій!...

Куманинъ. Съ кѣмъ это она танцъ?...

Анна (*приблизилась*). Я разсержусь!... Ха, ха, ха, ха!... Какой вы уморительный! Ха, ха, ха, ха!... Точно наленькій!...

Куманинъ (*смотря за кулисы*). Что это тамъ такое?

Анна (*у кулисы*). Да идите-же! Несносный человѣкъ!... (*смѣется*.) Ха, ха, ха, ха!...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Куманинъ и Анна Аванасьева, затѣмъ Дробышевъ.

Анна (*останавливаясь на сценѣ*). Вы не изъ терибнѣ выводите!

Дробышевъ (*за кулисами*). Изнемогаю!...

Куманинъ. Батюшки! Костенька!... (*Смѣется*.) Ха, ха, ха!... Уморить! Честное слово, уморить! Ха, ха, ха, ха!...

Анна (*нѣсколько смущенно*). Это ты, Жоржъ?.. Онъ самъ виноватъ!... Я ему говорила: не отпускайте экипажъ... Не послушалъ — самъ на себя пеняетъ! (*Дробышевъ выходитъ подъ большимъ зонтикомъ, съ ящикомъ для краски въ одной рукѣ и съ картиной въ другой, подъ мышкой у него небольшой молбертъ, подъ другой — книга, черезъ плечо накинута женская кофточка*.)

Куманинъ (*смѣясь*). Костенька!... Этудъ съ натуры!... Ха, ха, ха!...

Дробышевъ. И подишь... Навѣученный оселъ!...

Анна. Я не согласна... Это будетъ слѣшкомъ тенденціозно!... Ну, что-же вы оставились! Несите все это въ комнаты...

Дробышевъ (*отдуваясь*). Изнемогаю. (*Идетъ на террасу*.)

Куманинъ. Неси, неси!... Взявшись за гушъ, не говори, что не джуж!... Не-е-си!

Дробышевъ (*уходя*). Какова-то будетъ награда... Посмотришь!... (*Уходитъ*.)

Куманинъ (*вздыхъ*). Гривенникъ на чай... Цѣна извѣстная!... (*Подходя къ Аннѣ Аванасьевнѣ и цѣлуя ея руку*.) Ну, что, Ангика, удачна ли была твоя артистическая экскурсія?...

Анна. И очень даже... Ахъ, Жоржъ, если-бы ты видѣлъ, какой прекрасный уголокъ я нашла для пейзажа. (*восторженно*.) Чудо!

Куманинъ. Гдѣ-же это?

Анна. Не далеко отъ фабрики... Знаешь этотъ островокъ, около сторожки.

Куманинъ. А, знаю, знаю... Хорошее мѣстечко!

Анна (*восторженно*). Ты не можешь себѣ представить, что это за прелесть!... Берегъ съ той стороны обрывистый! Красноватые тона необыкновенно хороши!... По берегу низъ спускаются какія-то ползучія растенія, съ темно зелеными листьями... Небольшая кудравая сосенка совсѣмъ повисла надъ водой... Корни, точно гигантскіе пальцы, ухватились за берегъ! Озеро такое спокойное, спокойное! И на немъ плаваетъ этотъ волшебный островокъ! Избушка какая-то на курьихъ ножкахъ на немъ стоитъ!...

Куманинъ. Это должно быть рыбацья сторожка!

Анна. Должно быть... И вся она со всѣхъ сторонъ закрыта зеленью... И чего только тамъ нѣтъ! И береза плакучая, и ива, и ольха, и какіе-то кусты съ изумрудными листьями! А трава густая, густая, высокая!.. Я ужасно жалѣла, что лодки не было... Ухала-бы туда и вѣкъ, кажется, не ушла оттуда, такъ хорошо!..

Куманинъ (*продолжая въ ея тонѣ*). И жалѣла-бы ты въ этой избушкѣ, какъ нѣкая съзочная фея!.. Вдругъ въ одно прекрасное

однажды явился-бы передъ тобой, какъ листъ передъ травой, такой сказочный принцъ въ образѣ Костеньки!.. И пошло-бы...

Анна (*обиженно*). И очень это глупо, и ничуть не остроумно!..

Куманинъ (*беря ея руку и цѣлуя*). Ну прости, Анничка, прости! Мечтательница ты моя, дорогая!.. (*хочетъ поцѣловать руку. Анна Аванасьевна отнимаетъ*).

Анна (*капризно*). Не стоишь! (*отсвѣтывается*).

Куманинъ. Съ тобой и пошутить нельзя, Аня... Сейчасъ ты все въ серьезъ...

Анна (*капризно*). Ты знаешь, я не люблю такихъ шутокъ...

Куманинъ. Ну вотъ, вотъ. Пошло, поѣхало... Оскорбленіе женщины... Святость семейнаго очага!.. Тираниство мужа!.. Ревность Отелло!..

Анна. Никогда я такихъ глупостей не говорила. Я не настолько глупа!.. Ты, кажется, хочешь сдѣлать мнѣ сцену!..

Куманинъ (*удивленно*). Я? Сцену?.. Да это, матушка, ни съ чѣмъ несообразно! Когда-же это я тебѣ сцены дѣлалъ?.. Я никогда не имѣю обыкновенія стѣснять чью-бы то ни было свободу. И менѣе всего, понятно, твою. Стану я волноваться изъ-за какого-нибудь Костеньки... Если-бы ты и дѣйствительно имъ увлеклась...

Анна (*горячо*). Ну да, конечно! Это для васъ слишкомъ низко!.. Что такое Костенька?.. Вы стоите выше всего этого!.. Стоить-ли вамъ безпокоить свою особу изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ!.. Я всегда знала, что вамъ до меня нѣтъ никакого дѣла!

Куманинъ (*ласково*). Да не горячись ты такъ, Анничка, не раздражайся ты напрасно! Все это совсѣмъ не такъ на самомъ дѣлѣ, какъ ты себѣ представляешь... (*подходя къ ней*). Мнѣ даже совѣстно объ этихъ пустякахъ говорить. Я, признаться, не понимаю, почему ты сегодня такъ горячо приняла къ сердцу мои слова?.. Никогда я тебя не ревновалъ. Да и не могу ревновать, потому что слишкомъ люблю тебя и уважаю... Нѣсколько разъ раньше я шутилъ точно такимъ же образомъ съ тобой, какъ сегодня... Никогда не придавалъ этому никакого значенія.

Анна (*нервно перебивая*). Знаю я васъ, знаю!.. Слова, слова, слова!.. Я не могу тебя ревновать, потому что люблю и уважаю... Скажите, какъ это громко!.. Ты не ревновалъ меня потому, что я не давала тебѣ никакого повода, вотъ и все... И ни при чемъ тутъ уваженіе!.. А полюби я кого-нибудь... Посмотримъ, что вы тогда запоете?

Куманинъ (*тихо улыбаясь*). Тогда ужъ плохія пѣсни, Аня!.. Совѣтъ, молъ, вамъ да любовь!.. Поклонъ, да и вонъ!.. Вотъ и вся пѣсенка!..

Анна (*нервно и горячо*). Стало быть вы меня никогда не любили!..

Куманинъ. Да позволъ, мой другъ...

Анна (*горячо перебивая*). Никогда не любили! И неспособны полюбить!..

Куманинъ. Часть отъ часу не легче... Анничка! Помилосердуй, матушка!..

(*Анна Аванасьевна нероннымъ движеніемъ срываетъ платокъ и ломаетъ ее*).

Куманинъ. Что-же мнѣ послѣ десяти лѣтъ супружеской жизни на колѣняхъ передъ тобой стоять?! Въ любви объясняться?! Вѣдь это совсѣмъ нелѣпо!.. И съ чего это мы съ тобой въ самомъ дѣлѣ сегодня до такой нелѣпости договорились?.. (*улыбаясь и ближе подходя къ ней*). Вѣдь ты еще на волшебномъ островѣ не поселилась и сказочный принцъ тебя не собирается похищать... Въ Костеньку ты не влюблена. Онъ къ тебѣ равнодушенъ... Стало быть и толковать не о чемъ... (*беря и цѣлуя ея руку*). Все ты, моя дѣточка, изъ-за пустяковъ волнуешься, раздражаешься, нервничаешь... Ты хоть въ Сосновкѣ-то отдохни, поуспокойся немного...

Анна (*нервно*). Отдохни, не волнуйся, не раздражайся! Слышала, слышала! Все это ты-скачу разъ слышала!

Куманинъ. Ну не буду... не буду... (*цѣлуя руку*).

Анна. И все-таки ты не правъ, Жоржъ...

Куманинъ. То-есть?

Анна. Такъ нельзя говорить любимой женщинѣ... «Совѣтъ да любовь»... Это всегда оскорбляетъ женщину... Да, наконецъ, кто знаетъ... Можетъ быть я...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Куманинъ, Анна Аванасьевна и Дробышевъ.

Дробышевъ (*сходя съ террасы и потирая плечи*). Плечи всѣ оттануло! (*Подходя къ Аннѣ Аванасьевнѣ и протягивая руку*). На чаекъ-бы съ вашей милости...

Анна. Вотъ весьма кстати... Константинъ Васильевичъ, разрѣшите нашъ споръ...

Куманинъ. Ну, вотъ, вотъ. Самоновѣйшаго Соломона нашла...

Анна (*серьезно смотря на Дробышева*). Скажите, Константинъ Васильевичъ... только откровенно... совершенно откровенно... Если-бы вы, напримѣръ, полюбили женщину?.. Всей душой-бы полюбили?..

Дробышевъ (*улыбаясь*). Избави Богъ, чтобы со мной это случилось...

Анна (*нервно*). Нѣтъ, вы не шутите! Я совершенно серьезно васъ спрашиваю! Ревновали-бы вы ее, или нѣтъ?

Дробышевъ. Думаю, что ревновалъ-бы...

Куманинъ. Ну да еще-бы!.. Въ его груди кипитъ африканская страсть!.. Ядъ, кинжалъ,

револьверъ — вотъ рѣшеніе вопроса!.. Вулканъ страстей въ нѣкоторомъ родѣ!..

Анна. Мнѣ противно это шутство!

Куманинъ. Зарѣжу!.. А, такъ, что-ли, самоубійца Соломонъ?..

Дробышевъ (*улыбаясь*). Не смѣйся, рабе, придется и тебѣ!..

Куманинъ. Ну ужъ нѣтъ; слуга покорный!.. Я ни-ни!.. Отелло въ себя изображать не стану!.. Не въ лицу!..

Анна (*отходя къ бесѣдкѣ*). Все это неправда!.. все это одна рисовка!.. И къ чему все это, — рѣшительно не понимаю!.. Меня раздражаетъ это... Фразеры!..

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же и Сокольскій.

(*Сокольскій выходитъ при послѣднихъ словахъ на террасу и говоритъ, обращаясь назадъ.*)

Сокольскій. Ну, пойдешь, и не надо!.. И чортъ съ тобой!.. Сиди себѣ, прокисай надъ своей газетой. (*обернувшись.*) Господа, пойдете со мной!.. Егоръ Дмитріевичъ, Костя, Аня, пойдете! Живо, маршъ!..

Куманинъ. Куда это?

Сокольскій. Пойдешь, братъ, только... (*съ увлеченіемъ.*) Молотилку я тебѣ покажу, новаго бычка Васку покажу, въ телятникъ я тебя свожу!

Анна. Я рѣшительно отказываюсь!..

Дробышевъ. А я все это разъ шесть видѣлъ... (*подходя, разговариваетъ съ Анной Аванасьевой.*)

Куманинъ. Слуга покорный!.. Ни за какіе пряники не пойду!

Сокольскій. Ну это ты врешь!.. Тебя то я и силой потащу. (*сходя съ террасы.*) Васка, вѣдь, сементальской породы!.. На цѣпяхъ сидитъ!..

Куманинъ. Да нѣтъ-то что до него?.. Хотя онъ разсементальской будь!..

Сокольскій (*беря ея подъ руку*). Пойдешь, пойдешь!.. Они видѣли, а ты такого отъ роду не видывалъ!.. Кольцо въ губу продѣто, на цѣпяхъ, — понимаешь!.. Это такой субъектъ!

Куманинъ. Да нисколько нѣтъ этотъ субъектъ не любопытенъ!

Сокольскій. Да ты только взгляни, — не оторвешься!.. Громадина непохѣрная!.. Рога прямые!.. Весь черный, какъ уголь!.. На лбу звѣзда! Аписъ!.. Понимаешь, Аписъ! (*увлекая Куманина за кулисы.*) Совершенный Аписъ!..

(*Сокольскій и Куманинъ уходятъ.*)

Дробышевъ (*улыбаясь*). Ну, попался теперь Егоръ Дмитріевичъ!.. Аванасій Герасимовичъ его изведетъ хозяйствомъ!..

Анна. У папы какая-то страсть всѣмъ показывать свое хозяйство!.. Присядетъ здѣсь, Константинъ Васильевичъ. (*салятся.*)

Дробышевъ. Энергія у него поразительная!

Анна. Вы знаете, я не была здѣсь лѣтъ десять!.. съ нашей свадьбы!.. Теперь пришла, и мнѣ кажется, что я только вчера ушла отсюда!.. Все какъ было, такъ и осталось!.. И папа все такой же, только сѣдины нѣсколько прибавилось!.. Также цѣлые дни бѣгаетъ, кричитъ, изеночетъ по хозяйству, также по разъ заведенному порядку въ опредѣленную часъ обѣдаетъ, завтракаетъ, ложится спать!.. По пятницамъ уѣзжаетъ въ городъ, на засѣданіе, по вторникамъ у него въ камерѣ — судъ. Тотъ же Дроничъ у него управляющій!.. Также онъ ежедневно съ нимъ воюетъ и общается непрежнѣнно завтра же его прогнать!

Дробышевъ. А все-таки много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали!..

Анна (*оживленно*). Еще-бы! Конечно, много!.. Но меня словно оживилъ сосновскій воздухъ!.. Во мнѣ проснулось, что-то давнее, прошлое!.. И мнѣ все кажется, что этихъ десяти лѣтъ отсутствія не было!.. Или, какъ бы это сказать?.. Точно это былъ сонъ!.. А вотъ я проснулась теперь и такъ хорошо, такъ приятно вливается мнѣ въ грудь свѣжій воздухъ! Такъ отрадно у меня на душѣ!.. И сердце бьется сильно, ровно! Славно такъ нѣтъ! До того хорошо, что, кажется, духъ захватываетъ!

Дробышевъ. Какая вы однако восторженная до сихъ поръ!..

Анна (*оживленно*). Это я только здѣсь, въ Сосновкѣ!.. Это волшебство какое-то!.. И все оттого, что я переживаю прошлое!.. И какъ удивительно ясно я все помню!.. Все до мельчайшихъ подробностей! Помню, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ мы съ вами чуть не поссорились изъ-за «Нови» Тургенева!.. Помните?

Дробышевъ. Смутно, что-то!..

(*Начинаетъ смеркаться.*)

Анна. А я отлично все помню!.. Помните, какъ мы съ вами въ воскресной школѣ занимались, какъ народныя чтенія устраивали? Какъ вѣсть читали умныя книжки!.. Какъ волновались по поводу земскаго собранія!.. Ахъ, какое это было хорошее время! А помните, какое громовое впечатлѣніе произвелъ на васъ съ вами Куманинъ своей рѣчью о народномъ образованіи? а?

Дробышевъ. Это помню хорошо. Онъ тогда на всю губернію прогремѣлъ!..

Анна. И когда вспомнишь, что было потомъ!.. (*задумывается.*)

Дробышевъ. А что было потомъ?

Анна (*грустно и задумчиво*). А потомъ!.. Потомъ была бессмысленная, набитая мелочами!.. (*какъ бы спохватившись.*) Нѣтъ!.. Не спрашивайте! Не стоитъ объ этомъ говорить!.. Я не хочу!.. Скажите, Дробышевъ, я вамъ не кажусь странной?..

Дробышевъ. Нѣтъ!.. Почему же?.. Нисколько!

Анна. Нисколько?... Это удивительно!... А вы знаете, что мнѣ пришло въ голову?

Дробышевъ. Что же такое?

Анна. Мнѣ пришло въ голову, что я рисуюсь передъ вами, фразерствую...

Дробышевъ. Анна Аванасьевна, съ чего же это?

Анна (*оживленно, взволнованно*). Такъ... У меня это иногда бываетъ... Я отвыкла такъ разговаривать, какъ говорила когда-то!... Мнѣ хочется быть съ вами прежней, той хорошей Анной Аванасьевой... Это вы все говорили; помните?... «Хорошая вы, Анна Аванасьевна»... Слышите, я даже тотъ помню, какъ вы говорили эту фразу.

Дробышевъ (*задушевно*). Да я и теперь съ чистымъ сердцемъ могу сказать: хорошая вы, Анна Аванасьевна!

Анна (*нервно, порывисто*). Нѣтъ, Дробышевъ, я совершенно измѣнилась! Вы меня не знаете... Вѣдь, теперь, здѣсь, съ вами, я другая... та, прежняя... Мнѣ совершенно искренно хочется вѣрить во что-то свѣтлое, хорошее!... Снова хочется начать жизнь!... А это невозможно... Я устала, изнервничалась... Вотъ чапа не устаетъ и вы не устаете... А я устала... И мнѣ завидно смотрѣть на васъ... Что-то вы дѣлаете, кому-то нужны, стараетесь для кого-то. А у меня ничего нѣтъ въ жизни... Я истомилась отъ бездѣлья... Смѣшно сказать... Утомилась, сидя сложа руки... Мнѣ, просто, стыдно подумать объ этомъ... Но что же, если я это чувствую... У меня въ сердцѣ—пустота... Иногда у меня такъ давить грудь, точно груда камней... Я становлюсь не похожа на себя... Бѣшенство какое-то овладѣваетъ мною!... Я начинаю веселиться до упаду. Балы, юнгъ, пикники, театры. Безъ конца! Съ барынями по магазинамъ таскаюсь, по выставкамъ, на какіе-то сеансы... Скоро мнѣ все это надоѣстъ до невозможности. Запрусь у себя въ комнату и никого не велю принимать. (*съ нервнымъ раздраженіемъ*.) А затѣмъ снова ужасная убійственная тоска... А если бы вы знали, какъ это ужасно? Мечешься изъ стороны въ сторону отъ ноющей въ груди боли!... Готова не знаю что дѣлать! что-нибудь, куда-нибудь, очертя голову, закрывши глаза!... Жить, такъ... Ни зачѣмъ, ни для кого... Такъ! Ахъ, Дробышевъ, если бы вы только знали, что это за мука, что за мука!...

Дробышевъ (*задушевно*). Анна Аванасьевна!... Экъ, до чего вы договорились! Что это вы, право... Съ чего же такія мрачности?! (*беря ее за руку*.) А еще говорите, что въ Сосновкѣ вы жили! Будете же прежней—хорошей Анной Аванасьевой! Все пройдетъ... Чего мы съ вами еще надѣлаемъ!

Анна (*нервно*). Нѣтъ, Дробышевъ, не говорите такъ. (*быстро отнимая руку*.) Я не

могу... И съ чего это я съ вами такъ разоткровенничалась? Какъ это все глупо!

(*Смерклось.*)

Дробышевъ (*задушевно*). Да вѣдь мы съ вами старые друзья, Анна Аванасьевна.

Анна. Нѣтъ! Это не то... (*порывисто*.) Ахъ, да какой же вы хорошій, Константинъ Васильевичъ! Какъ мнѣ легко съ вами! Какой молодой я себя чувствую!

(*Изъ-за кулисъ выходитъ Силачева, проходя мимо бесѣдки, она оборачивается.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Силачева.

Силачева (*вскрикиваетъ и закрываетъ лицо руками*). Ахъ!

(*Анна Аванасьевна вздрагиваетъ и быстро встаетъ.*)

Дробышевъ (*Силачевой*). Что съ вами?

Силачева. Ахъ, это вы!... Извините, пожалуйста!... Я такъ испугалась! (*протягивая руку Аннѣ Аванасьевнѣ*.) Здравствуйте, Анна Аванасьевна! Простите меня!

Анна (*сухо*). Здравствуйте.

Силачева. Даже смѣшно, право... Я такая нервная... Мнѣ представилось Богъ знаетъ что.

Анна (*съ нервной злобой*). Что же такое вамъ представилось?

Дробышевъ (*улыбаясь*). Въ самомъ дѣлѣ, Людмила Григорьевна, какіе-такіе ужасы вамъ причудились?

Силачева (*жеманясь*). Ахъ, не спрашивайте. Ха, ха, ха!... Мнѣ даже самой смѣшно теперь... Знаете, такой чудный вечеръ, тишина, поэзія... Я мечтала... Вдругъ—вижу... Такая картина... неожиданно... меня это такъ поразило... Вы и Анна Аванасьевна... Мнѣ представилось...

Анна. У васъ вѣрно галлюцинація!...

Дробышевъ. Всюду вамъ страхи представляются!...

Силачева. Ахъ, да... я ужасная трусиха!... Я вотъ сейчасъ иду по саду и мнѣ все кажется, что изъ-за каждаго куста на меня кто-то смотритъ, перешептываются будто-бы... цѣлуются... Это, знаете, нервное настроеніе (*неожиданно*.) А гдѣ же Егоръ Дмитриевичъ?

Дробышевъ. Гулять ушелъ.

Силачева (*выразительно*). Ахъ, гуляты!... А вы что же, господа?

Анна. А мы, какъ видите, не пошли.

Силачева. Да, конечно, что за интересъ!... (*восторженно*.) Ахъ, Анна Аванасьевна, какая вы сегодня обворожительная!...

Анна. Да неужели?

Силачева (*смотря на Дробышева*). Восторгъ!... Чудо!... Ахъ, если бы я была женщиной!

Дробышевъ. Что же бы такое было?

Силачева (*восторженно*). Я безъ ума бы влюбилась въ Анну Аванасьевну!.. (*идя къ ней*.) Ну, будьте добры, Анна Аванасьевна, позвольте мнѣ васъ поцѣловать.

Анна (*нахотя*). Пожалуйста...

Силачева (*цѣлуя*). О, моя прелесть!.. Вы преопасная женщина, Анна Аванасьевна.

Анна (*раздраженно*). Перестаньте говорить глупости, Людмила Григорьевна!

Силачева. На мѣстѣ Егора Дмитриевича я бы васъ ни на шагъ отъ себя не отпускала... Вѣдь мы, женщины, о!.. Я сама женщина!.. Я знаю сердце женщины!..

Анна (*отходя*). Это, наконецъ, скучно!..

Силачева. Ну, не сердитесь, моя прелесть, не сердитесь. Не буду. (*къ Дробышеву*.) А я думала, Константинъ Васильевичъ, что вы къ намъ сегодня придете?... Варя такъ ждала васъ.

Дробышевъ (*нѣсколько смущаясь*). Я хотѣлъ попозже зайти...

Силачева. Ну въ такомъ случаѣ, конечно... (*выразительно*.) Лучше поздно, чѣмъ никогда... Но Варя меня удивляетъ. Эти нынѣшнія барышни какія-то деревянные. Ни чувствъ, ни волненій. Сдержанныя, невозмутимыя. Я въ ея лѣта! Да я и теперь! У меня необыкновенно горячее сердце!..

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ-же и Варя (*выходитъ оживленная, радостная, съ букетомъ полевыхъ цвѣтѣвъ въ рукахъ*.)

Варя (*входя и увидавъ Анну Аванасьевну*). Здравствуйте! (*здоровается*.) Миръ вамъ, и я къ вамъ!.. (*Дробышеву*.) А?.. И вы здѣсь, Константинъ Васильевичъ?

Силачева (*съ стороны*). Попался, голубчикъ!

Дробышевъ (*здоровается*). Какъ видите... здѣсь.

Анна. Что же это васъ удивляетъ, Варвара Петровна?

Варя. Мнѣ Константинъ Васильевичъ сказалъ, что онъ сегодня поздно кончитъ работу. У нихъ на фабрикѣ спѣшка идетъ (*къ Дробышеву*.) Правда, вы очень заняты?

Дробышевъ. Дз... Оно такъ и есть... но я оставилъ за себя помощника...

Силачева (*ядовито*). Въ такой вечеръ дѣйствительно жаждешь наслажденія, любви... Ахъ, какъ мнѣ это понятно... (*глубокій вздохъ*.) Ахъ! какъ мнѣ это понятно!..

Варя (*не слушая Силачеву*). Да? Ну, вотъ видите, какъ все это просто!.. А я-то, дура, вообразила себѣ не вѣсть что...

Анна. Что же такое, Варинька, вы вообразили?

Варя (*Дробышеву*). Вообразила я, что вы тамъ жаритесь въ пеклѣ вашемъ... У меня,

вѣдь, пылкая фантазія! Бѣденскій, дума, Константинъ Васильевичъ! Блажатель онъ по мастерскимъ, среди шума, грохота, пыли, въ сирадныхъ прогорклыхъ воздухахъ!.. Мелькаютъ у него въ глазахъ безконечные ремни, шпильки и вертятся колеса, рычаги, визжатъ пилы, стучать молотки! А вечеръ такой воспитательный! Воздухъ такой прекрасный!.. Небо такое высокое, бархатное, синее!.. Просторъ, раздолье кругомъ!.. А онъ-то, бѣдняжка, душа, — ничего этого не видитъ! И такъ мнѣ стало васъ жалко!.. Пойду, рѣшила, въ полѣ наберу цвѣтѣвъ много, много!.. и принесу ему... Цѣлый часъ по полямъ, по лѣсу бродила... Цвѣтѣвъ ужъ мало, — отцвѣтають... Насилушку-то набрала букетъ... Побѣжала къ вамъ... Пока, думаю, онъ съ фабрики не пришелъ, уберу его комнату... Прихожу, а васъ и слѣдъ простылъ!.. Такое меня зло взяло!.. Не оставлю у него букетъ, не стойтъ!.. (*бросая на него цвѣты, весело, заразительно смеется*.) Вотъ вамъ за это!.. Вотъ вамъ, вотъ!.. Ха, ха, ха, ха!.. Что попался!.. Ха, ха, ха, ха!.. (*Смеется*.)

Дробышевъ (*добродушно улыбаясь*). Спасибо за память, Варвара Петровна.

Анна. Однако вы, Варенька, горячее участіе принимаете въ г. Дробышевѣ.

Варя. Мы съ нимъ большіе друзья, Анна Аванасьевна.

Анна. Да, вотъ что... А я и не знала...

Силачева (*съ стороны*). Скушай на здоровье, матушка.

(*Всходитъ луна*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ-же, Сокольскій и Нуманинъ.

Сокольскій (*горячо говоритъ Куманину*). Вѣдь это вы тамъ... у васъ тамъ все грандіозное... А у насъ все мелочи! Но эти мелочи — дѣла первой важности. Вотъ — телушка... Что такое, кажется, телушка? Два рубля — мѣдѣна! А между тѣмъ телушка!..

Нуманинъ (*улыбаясь*). Дѣло первой важности!

Сокольскій (*горячо*). Вотъ ты смѣешься! А не понимаешь... У васъ все это шиворотъ на выворотъ... Но ты-то долженъ понимать, ты бывшій земскій дѣятель! Тебѣ-то, прямо, стыдно.

Нуманинъ. Да, вѣдь, я больше съ высоты птичьяго полета.

Сокольскій. Вотъ то-то и есть-то! Всѣ мы нынче больше съ высоты птичьяго полета!..

Варя. Здравствуйте, Аванасій Герасимовичъ! Сокольскій. А, Варинька! Хозяйка наша образцовая! Вотъ этотъ милый человекъ нечаянно пойметъ!..

(*Куманинъ отходитъ къ Аннѣ Аванасьевнѣ и они разговариваютъ про себя*.)

Варя. Оплошали, Аванасій Герасимовичъ, оплошали!

Сокольскій. Что такое, чѣмъ оплошалъ!

Варя. У васъ илѣбъ-то на поляхъ стоять... А у меня весь до послѣдняго колосика свежень!.. Сокольскій (смѣясь). Гдѣ же илѣбъ, старому, за такой молодцомъ, какъ вы, угнаться. Завтра и я свезу...

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ-же и Силачевъ.

Силачевъ (выходя на террасу). Господа, что-же вы, того?... Чай ждетъ! (сходя.) Анна Аванасьевна, позвольте предложить вамъ руку! Сокольскій (торопливо). Господа, пожалуйста! Милости прошу къ нашему шалашу! (идя на террасу и растворяя настежь двери.) Вгорѣ Дмитріевичъ, предложитъ дамъ руку!.. Лежень!.. Право—лежень!..

(Анна Аванасьевна идетъ подъ руку съ Силачевымъ.)

Куманинъ (предлагаетъ руку Силачевой.) Позвольте!..

Силачева (весьма довольная). Ахъ, mercî!.. (уходятъ.) (Дробышевъ идетъ за ними. Варя стоитъ одна около бесѣдки и смотритъ на уходившихъ.)

Варя (тихо). Константинъ Васильевичъ!.. Не слышите... Константинъ Васильевичъ! (Дробышевъ огибается. Варя знаками подзываетъ его къ себѣ и скрывается въ бесѣдку.)

Дробышевъ (подходя). Что такое? Секретъ? (улыбаясь.) Мнѣ страшно!..

Варя (серьезно). Вы почему сегодня не изволили придти?

Дробышевъ (улыбаясь). Потому, что, идя къ вамъ, встрѣтилъ на дорогѣ Анну Аванасьевну и она затащила меня сюда.

Варя. Ахъ, вотъ какъ... Васъ затащили! Вѣдненькій мальчикъ! Его затащили!

Дробышевъ. Вы ревнуете, Варенька?..

Варя. Я ревную?.. очень нужно!.. Съ какой стати я васъ стану ревновать... Очень нужно... Нисколько... Ну, что же вы молчите?..

Дробышевъ. Языкъ прильпе къ гортани.

Варя (горячо). Не извольте улыбаться!.. Я говорю совершенно серьезно!.. Я не шучу! Ну, да, я ревную! Что же такое? Это весьма понятно! Вы сами сказали мнѣ, что любите меня... Я имѣю полное право ревновать. Я все

знаю! Я знаю, что когда-то вы вздыхали и страдали по ней!..

Дробышевъ. Такъ вѣдь это было когда-то.

Варя (горячо). А теперь вы опять начинаете старую пѣсенку! Она снова васъ увлекаетъ!.. Она такая блестящая, такая умная! Вы ужъ начинаете снова влюбляться. (Дробышевъ порывается возражать.) Молчите! Я все равно вамъ ни капли не повѣрю, я своимъ глазамъ больше вѣрю! Я все вижу!.. (все больше и больше увлекаясь.) Но только она ошибается! Я не дѣвочка! Я не уступаю ей безъ бою! Я не знаю, что сдѣлаю, если только она попытается отнять васъ у меня! Я съумасшедшая; я способна убить ее!..

Дробышевъ (съ тревогой). Варенька, что вы?.. Что вы, моя дѣточка!..

Варя (горячо, несдержанно). Да, да! Я убью ее! Я не могу!.. Когда я разсуждаю, все выходитъ очень хорошо... Я знаю, что я не имѣю на васъ никакого права, что вы свободны! Но, вѣдь, не всегда я могу такъ разсуждать! А когда я подумаю, что у меня кто-нибудь отниметъ васъ... Со мной дѣлается что-то ужасное! Я тогда сама себя боюсь... Какъ это гадко, что я вамъ это говорю. Это, просто, безнравственно! Но, что же если я такая, если я такъ люблю васъ!.. Я не могла больше скрывать! Я позвала васъ... У меня сердце похолодѣло!.. Я не могла!.. Ахъ, какой это ужасъ—эта любовь, какой ужасъ!!

Дробышевъ (обнимая ее). Варинька!.. Дорогая моя! Успокойся!.. Я не могу никого любить... Я тебя люблю! Какая ты очаровательная!.. Какая славная... Какъ глазки у тебя разгорѣлись... Какъ хороша ты теперь, Варенька!.. Какъ хороша!.. Какъ ты любишь меня!.. Ты прелесть!.. Ты чудо!..

Варя (конфузливо). Костя!..

Дробышевъ (съ большимъ увлеченіемъ). Мы съ тобой женихъ и невѣста!.. Чего же намъ!.. Да ты восторгъ! Ты прелесть!.. Я никогда, никогда!.. во всю жизнь!.. не забуду сегодняшняго вечера!.. Одинъ разъ въ жизни это бываетъ!.. Во всю жизнь одинъ разъ!..

Варя (цѣлуя его). Милый!.. Хорошій!.. Дорогой!.. Безцѣнный!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостинная въ домѣ Сокольскаго. Большая комната, обставленная мягкой, старинной, хорошей мебелью. На стѣнахъ картины старыхъ мастеровъ. Въ правомъ, заднемъ углу, широкая кушетка. Въ задней стѣнѣ два окна и дверь, выходящая на террасу, въ садъ. На мѣсто двери въ комнату Анны Аванасьевны, на право во внутреннюю комнату. Около лѣваго окна мольбертъ, съ поставленной на немъ картиной, закрытой холстомъ; около, на табуретѣ и на полу, ящикъ съ красками и кисти.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

(При открытіи занавѣсы, Куманинъ, видимо озабоченный ходитъ по комнатѣ. За сценой слышны звуки роля.)

Куманинъ (одинъ). Опять начинается... Забарабанила... Самый вѣрный признакъ... Увлекалась было живописью... теперь опять бросила. А я-то, дуракъ, обрадовался... Авось, думаю, перестанетъ торжошиться... Пора бы, кажись... Никогда ничѣмъ не довольна... (послѣ продолжительнаго молчанія.) А впрочемъ... Вѣдь не здорово живешь это вѣчное трепетанье нервовъ... Чортъ знаетъ что... Можно ли создать себѣ такую ужасную жизнь. Точно муха по стеклу бьется, чтобы на волю вырваться... И жузить, жузить и стучаться объ стекло... Голова можетъ разболѣться...

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Куманинъ и Силачева.

Силачева (выходя изъ комнаты Анны Аован., увидавъ Куманина). Ахъ, что за чудная женщина ваша жена, Егоръ Дмитріевичъ! Вѣдь рождаются же на свѣтѣ такіа натуры!.. Вотъ, говорятъ, не хорошо завидывать... Конечно, зависть... я понимаю... это не хорошо... Но, право, я не могу... Я, грѣшный человѣкъ, я завидую вамъ.

Куманинъ (слегка улыбаясь). Мнѣ-то вы чего собственно завидуете?

Силачева (восторженно). Какъ, вы еще спрашиваете! Итѣ около себя такое талантливое, такое милое, такое изящное существо... такую женщину!.. И вы еще можете спрашивать, чему я завидую... Быть мужемъ такой женщины!.. О, я кажется...

Куманинъ (улыбаясь). Ну мужемъ-то быть вы ужъ никакъ не можете...

Силачева. Ахъ, вы, мужчины, ужасно противные!.. У васъ всегда на умѣ низменное...

Куманинъ. А у васъ, поди, возвышенное!..

Силачева. Конечно!.. Женщина!.. Да развѣ можно сравнивать... Это небо и земля!.. Правда, я не хочу быть пристрастна... У женщинъ конечно, есть свои слабости...

Куманинъ (улыбаясь). Ну, да еще бы... И на солнцѣ пятна есть... Что и говорить...

Силачева. Да нечего иронизировать... Вы-то не бѣ, чѣмъ кто-нибудь, имѣете право такъ говорить!

Куманинъ. Почему же это вы такъ полагаете?

Силачева. Ваша жена—совершенство!.. Вы должны вѣчно благодарить небо, что оно надѣлило васъ такой недожженной женщиной!.. Конечно, какъ всякая поэтическая натура, она не можетъ жить прозой. Она увлекается... Она любить... Она ищетъ идеала!.. Но, вѣдь, это

такъ естественно, такъ понятно!.. О, я ее понимаю!.. Правда, она подчасъ можетъ быть первна, капризна!.. Но что вы хотите отъ женщины съ пылкимъ сердцемъ, съ возвышенной душой!.. Для такой женщины не можетъ быть узкихъ рамокъ...

Куманинъ (начиная раздражаться). Ну да еще бы... само собой!..

Силачева (восторженно). Ова поэтъ, она художникъ. Странно было бы требовать, чтобы такая женщина вся погрузилась въ семью. Это было бы преступленіе съ ея стороны! Представьте себѣ, что Анна Аованъевна встрѣтила на пути человѣка, который бы вполне соответствовалъ ея идеалу.

Куманинъ (раздраженно). Да? Ну те-съ?

Силачева (съ явной злобой). Неужели вы думаете, что семья, мужъ могли бы ее удержать?..

Куманинъ (раздраженно). Я объ этомъ совсѣмъ никакъ не думаю! Да и вамъ бы, Людмила Григорьевна, не совѣтовалъ думать о такихъ пустякахъ!.. И, вообще, вы меня извините, но я просилъ бы васъ оставить въ покоѣ Анну!

Силачева. Ахъ, какой вы порохъ!.. Какой вы порохъ!.. Какъ вы однако ревнивы! Я никакъ этого не ожидала!.. Пра-а-во, не ожидала! И какой вы скрытный. О, какъ тяжело—скрывать въ душѣ ревность!.. Это очень тяжело... Я понимаю, какъ это ужасно!..

Куманинъ (нервно). Я очень радъ, что вы хоть это понимаете! Очень радъ! А я вотъ совершенно не понимаю, какъ это возможно такъ безцеремонно залѣзать въ чужую душу! (громко, раздраженно.) И какое дѣло, наконецъ, вамъ до всего этого?! Я васъ спрашиваю, съ какой стати вы берете въ пригнѣр Анну Аованъевну? Что вамъ до меня и моей ревности!..

Силачева (необыкновенно ласково). Егоръ Дмитріевичъ... Я васъ умоляю!.. Простите меня!.. Я неосторожно затронула вопросъ... Я понимаю... Вамъ это тяжело... Это такъ естественно... Но, я не хотѣла... Я слишкомъ уважаю священное чувство—любовь, чтобы прикасаться... Я знаю, я поступила необдуманно... Я умоляю васъ...

Куманинъ (отходя, крайне раздраженный). Ну, хорошо-съ... Прекратите, пожалуйста, этотъ разговоръ.

Силачева (послѣ нѣкотораго молчанія). Вы не знаете, гдѣ наши, Егоръ Дмитріевичъ? Куманинъ. Въ саду-съ.

Силачева (кокетливо). Егоръ Дмитріевичъ!.. Куманинъ. Что прикажете?

Силачева. Вы не сердитесь на меня!..

Куманинъ. Нисколько... Поищите, чего жъ мнѣ!..

Силачева. Повѣрьте, что я отъ всего сердца

жалѣю васъ!.. (Уходя въ садъ, беря зонтикъ.) Я пойду къ нашинъ... Вы не хотите?..

Куманинъ. Нѣтъ-съ... Мнѣ надо кое-что тутъ...

Смачева (уходя). Омъ ревнуетъ!.. Ахъ, какъ все это интересно!.. Какъ интересно! (уходитъ.)

Куманинъ (снова начинаетъ ходить по комнатѣ). Сорока! Положительно мнѣ начинаетъ казаться, что я съ ума сойду здѣсь!.. Совсѣмъ не узнаю себя... Всякая глупая баба можетъ меня довести до раздраженія! Вѣдь, конечно, это она все не спроста... (останавливаясь.) Неужели?.. Вотъ еще забота... Да, нѣтъ, пустяки!.. Одинъ изъ вѣчныхъ капризовъ. Увезти ее скорѣй отсюда. Одно средство... Ахъ, какое мученіе!.. А я-то думалъ, что все ужъ покончено!.. Объясниться?.. Что же я могу ей сказать?

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Куманинъ и Анна Аванасьевна (входитъ нервной походкой, бросаетъ мимолетный взглядъ на мужа, затѣмъ подходитъ къ мольберту, отдергиваетъ полотно, смотритъ нѣсколько секундъ на картину и, наконецъ, опускаетъ полотно.)

Анна (идя къ дивану). Мазня какая-то!.. Ни одного живого шѣста!.. (садится на диванъ и беретъ въ руки книжку.)

Куманинъ (улыбаясь). Не нравится?

Анна. Нѣтъ, не нравится!.. Глупая какая-то картина.

Куманинъ (подходя къ картинѣ). Что же тутъ глупаго?.. Лѣсъ, какъ лѣсъ, и вода,—какъ вода...

Анна (раздраженно). Оставь, пожалуйста, Жоржъ, этотъ разговоръ... (закуриваетъ папиросу.) Скучно это!..

Куманинъ (ласково). Но, вѣдь, еще такъ недавно, Аня, ты увлекалась этой картиной! Просиживала цѣлые дни надъ ней... Находила въ ней такъ много поэзіи, красоты... И, въ самомъ дѣлѣ, картина не лишена...

Анна (перебивая). Перестань, Жоржъ!.. (Съ злой нервною.) Не доставало того, чтобы мы съ тобой восхищались талантами другъ друга... Что за милое препровожденіе времени!..

(Куманинъ пожимаетъ нервно плечами и начинаетъ снова ходить по комнатѣ. Анна Аванасьевна перемстивается страннымъ книжи и куритъ, нѣсколько разъ съ неудовольствіемъ поглядывая на Куманина.)

Анна. Жоржъ, будь добръ, перестань ходить!.. (закусываетъ губы.) Меня это раздражаетъ!..

Куманинъ (сидя). Изволь, мой другъ... Могу и не ходить...

(Молчаніе. Анна Аванасьевна сидитъ, задумавшись, въ уединенной позѣ. Куманинъ перебираетъ рукой свою бороду, находясь въ нерѣшительности.)

Куманинъ (мѣжно). Аня, голубка... Что съ тобой?.. Опять ты захандрила...

Анна. О чѣмъ ты спрашиваешь?.. Точно это въ первый разъ!.. Что я тебѣ скажу на это?.. Я сама не могу понять, что со мной!.. Тоска...

Куманинъ. Да съ чего же такъ?.. Какая же причина?..

Анна. Я же говорю тебѣ, что я сама не могу дать себѣ отчета въ этомъ!.. Я думаю, что причина—бессмысленность моей жизни... (нервно.) Ну, въ самомъ дѣлѣ, Жоржъ, скажи мнѣ, зачѣмъ я живу на свѣтѣ, для кого, для чего, кому я нужна?

Куманинъ. Какъ для кого, Аня?.. А меня ты и въ счетъ не ставишь...

Анна. Полно, Жоржъ, что мы будемъ съ тобой лгать другъ передъ другомъ... Это къ намъ не идетъ!.. Я прекрасно знаю, что меня можетъ замѣнить тебѣ всякая другая женщина!..

Куманинъ (горячо). Да не правда же это, Аня! Вопиющая неправда!

Анна. Ну, хорошо, допустимъ, что ты правъ!.. Но представь себѣ, что у меня нѣтъ въ сердцѣ ничего, чтобы привязывало бы меня къ жизни!.. Что мнѣ до невозможности надоѣла вся эта пустота, нелючность... Ты только подумай, что это была за жизнь?.. Какъ только я вышла за тебя замужъ, я все время ни минуты ничѣмъ не занималась, кромѣ себя, своей собственной особы... Но, вѣдь, это, просто, скучно! Всю жизнь я заботилась о томъ, какъ бы мнѣ лучше, поудобнѣй нанять квартиру, по оригинальнѣй обставить,—поизящнѣй одѣться, покрасивѣй нанять дачу, повеселиться, побывать въ театрѣ, зазвать гостей къ себѣ и на славу угостить... Но, вѣдь, это все только... какъ бы это выразиться?.. только внѣшняя жизнь... Ну, а для души-то что у меня было?.. Подумай, Жоржъ, чѣмъ жило мое внутреннее я... мое сердце?..

Куманинъ. Аничка, родная!.. Перестань ты витать по поднебесью!.. Перестань ты мечтаніями заниматься!.. У тебя есть все, чтобы быть счастливой!

Анна (съ горечью). Ты думаешь, Жоржъ!.. (раздраженно.) Да пойми же ты, что не отъ меня это зависитъ—перестать!.. Ты, унылый человѣкъ, не можешь понять, что я не могу выдумать сама нарочно этой ужасной пустоты въ сердцѣ; этого болѣзненного, щемящаго ощущенія боли?.. Вѣдь ты самъ навѣрно, иногда испытываешь это ощущеніе?!

Куманинъ (съ волненіемъ). Эхъ, Аничка, про меня что говорить!.. Можетъ когда-то и у меня было такое ощущеніе, да давно я его

задавить въ себя... И напрасно ты объ этомъ завела рѣчь...

Анна. Посмотри же, что изъ тебя сдѣлалось, чѣмъ ты стала?..

Куманинъ. Да, знаю я, Аничка, знаю... Изоврался я до послѣдней степени!.. До того, что самъ иногда вѣрю своему вранью... Про меня, что говорить... (съ ироніей.) Говоря высокимъ слогомъ—гробъ поваленный (молчаніе.) Знаешь что, Аничка, поѣдемъ мы ко двору, въ Павловскъ, на дачу... А то катнемъ въ Парижъ, а право, Аничка... катнемъ въ Парижъ?..

Анна. Мнѣ все равно. Если хочешь, пожайлуй, поѣдемъ.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ-же и Сокольскій.

Сокольскій (быстро входя). Ну-съ, вотъ я и отдѣлался... Черезъ часъ можно и ѣхать.

Куманинъ. Какъ ѣхать?... Куда это?

Сокольскій. На рыбную ловлю, мой другъ, на рыбную ловлю!... (смотря на дочь и на Куманина.) Да вы что это? а? Какія такіа страсти приключились?

Куманинъ. Да вотъ Аня все что-то извдрить...

Сокольскій (оживленно). Ну вотъ, часъ отъ часу не легче!... (шутливо.) Анька, что это такое, въ самомъ дѣлѣ, еще за новость. Что ты англичанка что-ли?... Вѣдь, это у нихъ такая особенная болѣзнь—сплинъ выдуманъ. А, вѣдь ты кажется, русская женщина, чортъ побери!... У насъ въ Сосновкѣ и въ заводѣ скуки нѣтъ!... И некогда скучать... Цѣлый день въ хлопотахъ, до скуки-ли тутъ... Я вотъ вѣлю тебя каждый день водой холодной обливать, да верстъ за пять гулять тебя буду водить; скуку-то, какъ рукой, сниметъ.

Анна (улыбаясь). Не поможетъ это...

Сокольскій. Не поможетъ?! Эхъ, ты въ Петербургъ-то какъ разякла!... Ни на что похожа стала!... Кислая, нервная, блѣдная!... Точно изъ тебя тамъ всѣ жилы повымотали!

Куманинъ (озобоченно). Я вотъ предлагаю ей ѣхать путешествовать...

Сокольскій. Куда это?

Куманинъ. За-границу, или на югъ куда нибудь!

Сокольскій. Зачѣмъ это?... Деньги транжирить!... Много больно накопилось, дѣвать некуда! Извини, братъ, но я тебѣ прямо скажу, вздоръ всѣ эти путешествія. Ничему онѣ не помогутъ!... Переселяйтесь-ка вы лучше сюда, къ намъ, въ Сосновку!... И расчудесное дѣло будетъ!... Право!... тебя выберутъ снова въ земство...

Куманинъ. Нѣтъ, ужъ слуга покорный...

Сокольскій (горячо). Чего, слуга покорный?!

Куманинъ. Много довольны.

Сокольскій (горячо). Я, право, васъ не понимаю... Окончательно не понимаю!... Что-же, скажи ты мнѣ на милость, лучше что-ли тебѣ служить въ акціонерной компаніи?... Ждать какихъ-то гроши накалчивать, чѣмъ служить земскому дѣлу!... Ну, будь откровененъ, скажи, лучше?!

Куманинъ (уклочиво). Вопросъ этотъ сложный, Аванасій Герасимовичъ...

Сокольскій. Нисколько, батюшка ты мой, не сложный, а очень ясный... А привыкли вы, извини за выраженіе, постоянно въ свое брюхо жить, вотъ дѣло-то и объясняется очень просто... Я, братъ, говорю съ тобой совершенно откровенно, безъ обиняковъ... И хочешь ты меня слушать, старика, хочешь нѣтъ, это твое дѣло, а я убѣжденъ, что самое лучшее будетъ и для тебя, и для Ани, если вы въ Сосновкѣ поселитесь и займетесь оба дѣломъ... Какимъ ни на есть, хоть маленькимъ! Гдѣ ужъ намъ большія дѣла дѣлать...

Куманинъ. Нѣтъ, Аванасій Герасимовичъ, ничему это не поможетъ.

Анна (все время безучастно относящаяся къ разговору и читавшая книгу). А можетъ быть папа и правъ!... Можетъ быть и поможетъ—кто знаетъ!

Сокольскій (горячо). Да не только можетъ быть, а навѣрно я правъ!... (Куманину.) Ты, братъ, объ этомъ серьезно подумай!... Со всѣхъ сторонъ обмозгуй этотъ вопросъ... Вѣдь и тебѣ самому надо кое-что другое, чѣмъ жидовская компанія. Я прекрасно это вижу... Ты тоже, братъ, только храбришься, а внутри у тебя червякъ тоже сосетъ... Меня не обманешь, братъ...

Куманинъ (магнувъ рукой). Я, что... Обо мнѣ, просто, не стоитъ разговаривать... Моя пѣсенка ужъ спѣта...

Сокольскій (горячо). Чуть!... извини за выраженіе, чистѣйшую эрунду несешь!... непролазную эрунду!... Не нѣнешъ ты никакого резона такъ говорить!... Парень, чуть не сажешь ростои, поперекъ себя шире—въ 35 лѣтъ юнни распускаетъ... (копируя.) «Моя пѣсенка спѣта!»... Кто же будетъ дѣла-то дѣлать, если мы, извини за выраженіе, раскисались такъ, какъ ты?!

Куманинъ (улыбаясь). Найдутся!... Свѣтъ не клиномъ сошелся...

Сокольскій. Нѣтъ, ты меня бѣсишь!... Окончательно бѣсишь!... Это что-то для меня совершенно непонятное, совершенно новое!... И хотъ ты, что хочешь, а не укладывается въ мою мозгу мысль...

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ-же и Параня.

Параня (входя). Аванасій Герасимовичъ!

Сокольскій (быстро оборачивается). А... Что?... (увидавъ ее.) Ты что, Параня?

Параня. Такъ къ вамъ, баринъ, изъ Непря-
иной пужки съ прошеніемъ пришли.

Сокольскій. Сейчасъ, Паранюшка!... Скажи,
сейчасъ выйду...

(Параня хочетъ уходить.)

Сокольскій. Параня! А ты все тамъ приго-
товила? Все, что я велѣлъ, въ корзинку поло-
жила?

Параня. Все-съ, Аванасій Герасимовичъ!

Сокольскій. И рюмку положила?...

Параня. Все положила, что приказали. (ухо-
дитъ.)

Сокольскій. Ну, вотъ и отлично!... Да, о ченъ,
башъ, я!... (припоминая.) Да... Такъ ты серь-
езно объ этомъ подумай, Егоръ Дмитріевичъ!..
Мелочами, чужью вы себѣ и голову, и сердце
набили... Просто, какъ полубѣшенные какіе на
все смотрите... Настоящаго внутри ничего нѣтъ,
настоящаго!... Некуда вамъ свою душу дѣтъ...
Некуда съ ней сунуться!... Никому вы не нуж-
ны, и вамъ-никто не нуженъ!... Сами по се-
бѣ... А такъ невозможно!... Въ концѣ концовъ,
совершенно такъ жить невозможно!... Повѣрь-
те вы мнѣ, старику!... (идетъ къ двери.)
Егоръ Дмитріевичъ, другъ, не въ службу, а
въ дружбу, сходи ты къ Дроничу, скажи, что-
бы завтра чуть свѣтъ онъ двѣ подводки съ хлѣ-
бомъ на мельницу отправилъ... А, пожалуйста,
братья!... Чтобы съ вечера!... Сейчасъ же въ
воза ссыпалъ... Сейчасъ же!

Куманинъ (беря шляпу). Съ удовольствіемъ!
(уходитъ.)

Сокольскій (Аннѣ Аванасьевнѣ). Ну, а ты,
натушка, до чего дошла... Каждая жилка у
тебя какъ струна натянута... Дѣла, дѣла и
дѣла вамъ всѣмъ надо!... Нельзя такъ!... Не-
возможно!... Извини за выраженіе, съ жиру бѣ-
ситесь!... (уходя.) Закружились, завертелись
въ пустякахъ!... (уходитъ.)

Анна (одна). Знаю, знаю, знаю!... Скажите,
какую новость сказалъ!... Оттого и кожу, какъ
потерянная, что знаю это!... Сама себя не уз-
наю!... Отчаяніе полное въ сердцѣ!... Отчаяніе...
(Въ сильномъ нервнои волненіи.) Пришла,
чтобы сказать... Порвать все... И не могла...
Струсила... Ждѣ, что онъ скажетъ, что от-
вѣтитъ!... А если нѣтъ!... Успокоится... Мир-
ная, семейная жизнь!... Ха, ха, ха!... При одной
мысли, всю душу переворачиваетъ... Сегодня
же скажу... Непременно все ему открою!... Под-
ло молчать... Да, что же онъ долго!... Хотъ бы
они поскорѣй уѣхали... Развѣ самой поѣхать
къ нему?... Нѣтъ, нельзя... нельзя!... (под-
ходитъ къ окну.) Вонъ его флигель... Окна
выходятъ сюда... всѣ открыты... А если да?..
(восторженно.) Если любить?... Новая жизнь!..
съ любимымъ человѣкомъ!.. Работа!.. Понощъ лю-
дямъ!.. Я счастлива... (боязливо.) Нѣтъ, нѣтъ...
Лучше не думать объ этомъ... Не надо, не
надо!... Не можетъ быть. (долго молча смо-

тритъ въ окно въ садъ.) Какъ сильно пожел-
тѣла береза... (съ тоской.) Цвѣты еще ко-
ропи... Листъ падать начинается... Осень...
осень... (съ отчаяніемъ.) Боже, какъ мнѣ
страшно!... какъ страшно!... Что-то будетъ?...
А, вѣдь я ему чуть-чуть все не открыла...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Анна Аванасьевна и Силачевъ.

Силачевъ (останавливаясь у дверей). Bon-
jour, madame!

Анна (мнимо). Ахъ, это вы, Петръ Григорь-
евичъ!... (Протягивая руку.) Здравствуйте!

Силачевъ (цѣлуя руку). Мы сегодня ханд-
ринъ?

Анна. Немножко...

Силачевъ. Ничего нѣтъ натуральнѣй!... Я
всегда, какъ говорится, того... Я это давно
предсказывалъ... Я говорилъ... Анна Аванась-
евна не можетъ здѣсь жить...

Анна (нехотя, чтобы что-нибудь отве-
тить). Почему же вы такъ думаете?

Силачевъ. Почему?... Вы спрашиваете: по-
чему? Извольте, я вамъ скажу почему... Я,
конечно, того... я старъ... Но, Анна Аванась-
евна, здѣсь есть только одинъ человѣкъ, кото-
рый можетъ понять васъ...

Анна (мнимо улыбаясь). Это, конечно, вы?...
Не правда-ли?

Силачевъ. Да, какъ это не странно... но
это, какъ говорится, святая истина... Види-
те-ли, Анна Аванасьевна... У меня также ху-
дожественная натура!... Я, какъ говорится,
всегда носилъ въ себѣ эту искру... И, конечно,
того... Я хочу сказать, что искра не по-
тухла до сихъ поръ!... Я не могу примирить-
ся съ этой обиденщиной!... Вы знаете, я въ
нѣкоторомъ родѣ—роковой человѣкъ... И могу
сказать, что того... Въ моей жизни были та-
кіе моменты... Я любилъ!... (все болѣе и бо-
лѣ жестикуюлирую и рисуясь.) Да, я лю-
билъ. Эта была женщина... Нѣтъ это было—
существо... Эфирное, возвышенное, какъ гово-
рится, небесное существо!

Анна (улыбаясь). Но я то тутъ причеиъ,
Петръ Григорьевичъ?

Силачевъ. Pardon... вы спрашиваете, при-
чень вы?... Вы, тоже роковая женщина!

Анна (улыбаясь). Вы меня пугаете, Петръ
Григорьевичъ...

Силачевъ. Вамъ нужна извѣстная среда, какъ
говорится, обстановка... Мнѣ также нужна сре-
да... Здѣсь я прозябаю, а не живу. Это мое
больное мѣсто... И я понижаю васъ... Вы худож-
ница... какъ говорится, эстетическая натура!...
Вы посмотрите, что вокругъ васъ?... Проза!
Проза и ничего болѣе. Мы съ вами сдѣланы изъ
другаго тѣста, чѣмъ всѣ они. Моя дочь, напри-
мѣръ... Я отецъ, но я безпристрастенъ... Въ

ней нѣтъ этой искры. Она цѣлые дни возится съ мужиками, съ бабами, на поляхъ, по хозяйству, то, се... И ничего, она счастлива... Вы рождены для толпы!... Вы способны увлекать за собой... Вы—вся изящество, красота, женственность. Теперь не умѣютъ цѣнить такихъ женщинъ, какъ вы!... У нихъ нѣтъ вкуса къ изящному... Способенъ-ли, напримѣръ, какой-нибудь Дробышевъ понять васъ?... Натурально—нѣтъ!... Это машинистъ... или тамъ механикъ... Они всѣ нынче какіе-то механики!... Но я не Дробышевъ!

Анна (*отрываясь отъ задумчивости*). Что вы сказали?

Силачевъ (*нѣсколько отъшвырнувшись*). Я говорю, что я того... Я могу понять...

Анна (*перебивая*). Вы, кажется, упомянули о Дробышевѣ?

Силачевъ. Да я только для прикира взялъ его... но... они всѣ здѣсь вмѣстѣ взятые не стоятъ одного вашего мизинца!

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Тѣ-же и Силачева.

Силачева (*входя при послѣднихъ словахъ*). Ахъ, вы ужъ здѣсь, братецъ?... А мы съ Варей васъ по всему саду ищемъ.

Силачевъ. Здѣсь, милочка, здѣсь... Вотъ носить ее нелегкая!

Силачева. Вы знаете, Анна Аванасьевна, онъ влюбленъ...

Анна. Неужели?

Силачевъ. Перестань, милочка, того... Глуposti...

Силачева. Честное слово, влюбленъ!... До безумія!... И знаете въ кого, Анна Аванасьевна?

Анна. Откуда же мнѣ знать.

Силачевъ (*раздражительно*). Послушай, милочка, ты окончательно, того... сбрендила... Вы не слушайте ее, Анна Аванасьевна... У нея знаете, бываетъ... (*показывая на любовь*) Тутъ, знаете, не совсѣмъ... того...

Силачева. Ты лучше не сердь меня, Пьеръ... Сейчасъ все скажу... Онъ, Анна Аванасьевна, по цѣлымъ ночамъ бродитъ по саду, на луну любитъ...

Силачевъ. Милочка!... Я тебя прошу!... Что это за глупыя шутки. Ты не минуты не можешь помолчать...

Силачева. Ахъ, душечка, вы положительно здѣсь всѣмъ съ уна свели! Честное слово! И старухъ, и малыхъ!

Анна (*нехотя*). Вотъ какъ, скажите!

Силачева. Я этому нисколько не удивляюсь! Я понимаю.. Такую женщину, какъ вы, нельзя не полюбить. Но за что же, скажите на милость, я то страдаю... Я нахожусь одна среди влюбленныхъ. Это наконецъ страшно!.. Право, я боюсь... Братъ влюбленъ, племянница влюб-

лена... У этого любовь, по крайней мѣрѣ, не такъ бурно проявляется... Вздохи, мечты, лунныя стихи, поэзія!.. Онъ меня буквально задумалъ стихами!

Силачевъ (*во все время этого монолога нѣсколько разъ хотѣлъ остановиться Силачеву, волновался, поправлялъ парикъ, тербилъ эспаньелку и наконецъ, близко подходя къ Силачевой, указываетъ ей на Анну Аванасьевну, которая не слушаетъ ее, занятая своими мыслями.*) Да перестаньте вы, трещетка!..

Силачева (*Аннѣ Аванасьевнѣ*). Анна Аванасьевна! Вы что-то тоже начали мечтать?... Ужъ не влюблены-ли и вы?... А, признайтесь, душечка!..

Анна. У меня голова разбалывается...

Силачевъ (*востро*). Что, милочка, добитались?

Силачева (*обиженно*). Можетъ, вы хотите отдохнуть... прилечь?

Анна. Нѣтъ, ничего... Это пройдетъ...

Силачевъ. Ты, милочка, хоть кому забьешь голову... У тебя положительно какая-то страсть ко всѣмъ приставать съ этики, того... любовными сюжетами. Всюду тебѣ кажутся влюбленные. Тебѣ-бы съ докторомъ надо посоветываться... Право, того... ты, какъ говорится, посоветуйся.

Силачева (*со злой раздражительностью*). Благодарю васъ, братецъ... Я не нуждаюсь въ совѣтахъ доктора... Но я не знаю... Можетъ быть, конечно, это и нормально теперь, въ наше время.

Анна (*нервно*). Боже, какъ они мнѣ надоѣли!.. Какъ надоѣли!..

Силачева (*не слыша ея замѣчанія*). Теперь все на свѣтѣ иначе—но когда лысый, сѣдой старикъ, у котораго дочь невѣста!..

Силачевъ (*раздраженно*). Замолчишь ли ты, старая дѣвка!

Силачева (*иромко*). Что?! Что вы сказали, братецъ!.. Послѣ этого я не стану молчать!..

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Варя.

Варя (*входя при послѣднихъ словахъ*). Папа ссорится съ тетей... Самое обыкновенное занятіе. (*входя между ними*.) Извините, тетя, что я прерываю вашу пріятную бесѣду!

Силачева (*отходя въ сторону, раздосадованная*). Ахъ, отважись ты отъ меня, полайуста, Варя! Это невыносимо. (*быстро уходитъ на террасу.*)

Варя (*подходя къ Аннѣ Аванасьевнѣ*). Здравствуйте, Анна Аванасьевна... (*цѣлуются*). Вотъ вамъ гостинчикъ!.. (*подастъ ей яблокъ.*)

(*Силачевъ уходитъ за Силачевой, юркая жестикулируетъ и говоритъ про себя.*)

Анна (*защитно оживляясь*). Merci!.. (*смотря на Варю*.) Что это съ вами сегодня, Варенька?

Варя (*кусая яблоко*). А что?..

Анна. Вы сегодня такая оживленная... сияющая... глаза у васъ такъ сильно горятъ.

Варя (*улыбаясь*). Я сегодня именинница!..

Анна. Въ самомъ дѣлѣ....

Варя (*оживленно*). Нѣтъ, я шучу... дурчусь... Со мной это бываетъ... Я сегодня правой ногой съ постели встала!.. Съ самого утра мнѣ такъ весело, такъ легко на душѣ!.. Я сегодня ужъ сколько дѣла передѣлала, не пересказать!.. Гдѣ-гдѣ только я сегодня ни была... Всю деревню выходила... и по хозяйству все исправляла, в больныхъ-то обходила, и варенье то сварила, и ребятъ-то пеленала. И все никакъ устать не могу... Все мнѣ сегодня торжоваться хочется!

Анна. Этъ, у васъ силы-то сколько, здоровья!.. Душа у васъ бодрая... Невольно позавидуешь....

Варя. Ну ужъ кому-кому, а вамъ то грѣхъ жаловаться.... Чего вамъ не хватаетъ?

Анна (*бормотливо улыбаясь*). Многого, Варенька... и главное вашей непосредственности.... ужъ нѣтъ наслаждаться жизнью...

Варя. Да кто же вамъ мѣшаетъ жить такъ, какъ хочется?

Анна. Не уиѣю я жить.... разучилась... Скажите, какъ вы здѣсь живете, чѣмъ?.. Откройте мнѣ вашъ секретъ...

Варя (*оживленно*). Какъ живу?.. Чѣмъ?.. Очень просто!.. Какъ всѣ кругомъ меня живутъ,—такъ и я... Лѣтомъ цѣлый день хлопочу по хозяйству, на поляхъ пропадаю, на лугахъ... Сана всѣ работы справляю... Вечеромъ читаю неинного... Гуляю... Зимой—ребятъ учу... школа у меня въ домѣ. Человѣкъ до тридцати дѣтишекъ ходитъ... Весело съ ними... хорошо... Въ сумеркахъ иногда вею заложить Быстрого въ саночки, одѣну полушубчикъ, кататься въ деревню поѣду!.. Воздухъ такой хорошій, морозный... Дорога гладкая, ровная... только сами поскрипываютъ... Небо на западѣ, какъ огонь горитъ!... И все, и лѣсъ, и деревня въ нѣтъ, и снѣгъ на поляхъ—все розовымъ свѣтомъ покрыто!... Тишина такая, что даже страшно неинножко!.. Ни души кругомъ... Только галка развѣ на гнѣздо пролетитъ... Быстрой стрѣлой летитъ... вѣтеръ такъ меня и обдастъ всю... все лицо обожжетъ!.. духъ захватываетъ!.. Накатаюсь въ волюшку... Къ Константину Васильевичу заѣду, его возьму съ собой...

Анна (*отрадно, съ тревожной улыбкой*). Да?.. Захватите его съ собой?.. Въ саночки рядышкомъ съ собой посадите!.. Сердечко у васъ сильно, сильно забьется... Въ голову зашумитъ, закружится, въ глазахъ все

кругомъ пойдетъ!.. Прижметесь вы къ нему близко, близко... Головку ему на плечо положите... Онъ обойметъ васъ и поцѣлуетъ... Крѣпко, крѣпко!.. Да, неправда-ли?.. Вѣдь я угадала, Варенька?..

Варя (*удивленная*). Да... правда... Анна Аванасьевна!.. Что это съ вами?.. Откуда вы все это знаете?..

Анна (*злбно улыбаясь*). Костя сказалъ...

Варя (*вспыхнувъ*). Костя сказалъ?.. Неправда!.. Ложь!.. Вы солгали...

Анна (*нервно смѣется*). Ха, ха, ха, ха, ха!.. Испугались!.. Струсил, Варенька!.. Выдали свой секретъ, отчего вамъ на свѣтѣ такъ радостно живется!.. Ха, ха, ха, ха, ха, ха!..

Варя. Не за себя испугалась!.. Не струсил!.. А ужасъ на меня напалъ... Отъ одной мысли въ жаръ всю бросило!.. Опоминуться не могу!...

Анна (*привлекая ее къ себѣ и шепча*). Успокойтесь, моя дѣвочка!.. Атъ, да какая же вы наивная... Какое вы еще дитя!.. Никто мнѣ ничего не говорилъ... Вѣдь, это все не такъ сложно, какъ вы думаете... Это все и самой догадаться можно... И я догадалась. А вы испугались... Вы думаете—вы одна съ нимъ катались?.. Ха, ха (*удерживаясь*). Нѣтъ, и другія конечно катались... И если онъ вамъ говорилъ, что только онъ васъ одну любитъ, любилъ и вѣкъ будетъ любить... Вѣдь говорилъ, да?.. говорилъ?.. Варечка, что же вы молчите?..

Варя (*растерянно*). Говорилъ, говорилъ...

Анна. Ну вотъ, я такъ и знала... Онъ и нѣтъ это говорилъ...

Варя (*вспыхнувъ*). Онъ вамъ говорилъ? Это было давно!.. Я знаю... Онъ рассказалъ мнѣ всю свою жизнь... все прошлое...

Анна. И вы повѣрили?.. Атъ, вы моя дурочка!.. (*хочетъ ее поцѣловать*).

Варя (*отстраняясь*). Къ чему это... Не надо... Да, я повѣрила ему, Анна Аванасьевна... И никто не можетъ меня разуверить!.. Я знаю, что онъ не солжетъ... Я знаю, что онъ человѣкъ честный!.. Я не понимаю, только одного, зачѣмъ вамъ надо было унижать его въ моихъ глазахъ, выставять его лугономъ передъ мной?

Анна (*злбно улыбаясь*). Не знаете, Варенька?.. А это такъ просто... такъ ясно!.. Неужели вы не догадались? (*почти шепотомъ*.) Я ревную его къ вамъ, Варенька!.. Я люблю его, Варенька!..

Варя (*пораженная*). Вы?.. его ревнуете?.. любите его?.. И говорите это мнѣ... его не вѣстѣ?.. (*сильно*.) За что же вы такъ терзаете меня!..

Анна (*принужденно смѣется*). Ха, ха, ха, ха!.. Какая вы наивная дѣвочка!.. Неужели

вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ влюблена въ него?.. Что вы, Варенька... Я шучу!.. Я хотѣла напугать васъ... Простите меня!.. Нужно быть совсѣмъ неумной, чтобъ *нестыж* объявлять о любви къ ея *жениху*... Нѣтъ, Варенька, успокойтесь!.. Я шутила!.. Я, просто такъ... шучу съ вами!..

Варя (*серьезно*). Это жестокая шутка!.. Этихъ нельзя шутить!..

Анна. Можетъ быть... Я бываю иногда зла... У меня является теперь иногда потребность сдѣлать больно кому-нибудь... Это болѣзненное явленіе понятно!.. (*цѣлуя Варю*.) Простите меня, Варенька!.. Простите меня!.. Я шутила... Конечно это глупо, но что же дѣлать!..

Варя. Я не вѣрю вамъ, Анна Аванасьевна... Не вѣрю въ искренность вашихъ словъ.

Анна (*злбно улыбаясь*). Почему же?..

Варя (*крайне взволнованная*). Не знаю!.. Не спрашивайте!.. Я не могу вамъ этого объяснить. Но въ вашемъ лицѣ, въ вашемъ голосѣ есть что-то, что заставляетъ меня не вѣрить вамъ!.. (*горячо*.) Я не могу больше оставаться здѣсь... Во мнѣ закипаетъ нехорошее чувство!.. Я могу наговорить, Богъ знаетъ, что!.. (*подавая руку*.) Прощайте!..

Анна. Прощайте, Варенька!.. Только вы напрасно такъ волнуетесь... Вѣдь это шутка, не больше... Я не знала, что вы невѣста... Я шутила...

Варя (*останавливаясь у дверей*). Анна Аванасьевна, не вѣрю я вамъ, я ясно вижу, что вы любите Дробышева! До безумія его любите!.. Но я не отдамъ вамъ его!.. Слышите, не отдамъ!! И съ вашей стороны не хорошо смѣяться надъ моимъ чувствомъ къ нему!.. Если у васъ осталась хоть капля совѣсти, поймите это...

Анна (*съ злобной улыбкой*). Да вѣдь, я безумная теперь. Мнѣ все позволительно.

Варя (*горячо*). Вы эгоистка!.. Злая, безсердечная эгоистка! (*уходитъ*.)

Анна (*громко хохочетъ*). Ха, ха, ха, ха!! Вотъ какъ, Варенька... Невѣста!.. Вы показали свои когти... Вы не отдадите его мнѣ... Вы меня запугиваете!.. Глупая дѣвочка!.. Вы еще мало знаете меня!! Что со мной дѣлается!.. Какая злоба душитъ меня!.. Безудержная, безумная злоба!.. Никакія препятствія не страшны мнѣ... Сегодня, сегодня же все объяснится... Все узнаю... Онъ получилъ письмо... Теперь скоро... Можетъ быть онъ ужъ ѣдетъ!! Какъ сердце бьется!.. Это пустяки!.. Неужели онъ ее любитъ?! Глупости!.. Я добьюсь своего... (*бросаясь къ двери*.) Кто-то идетъ!.. (*хватается за кресло, стоящее у дверей*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Анна и Нуманинь.

Анна (*увидавъ Куманина, со злобной досадой*). Ахъ, это ты, Жоржъ?..

Нуманинь (*пораженный*). Что съ тобой, Аня!.. Отчего у тебя такое лице?.. Что случилось, Аня!?

Анна (*сдержанно*). Ничего... У меня голова разболѣлась... Пройдетъ...

Нуманинь (*растерянно*). Воды дать тебѣ?.. Одеколонтъ?

Анна (*постыжно*). Ничего, ничего не нужно... (*ласково*.) Жоржъ, что я тебя попрошу!..

Нуманинь. Что, моя дорогая?

Анна. Оставь меня. Я хочу быть одна. Никого не хочу видѣть. Никого!

Нуманинь. А папа ждетъ тебя на рыбную ловлю ѣхать!

Анна. Я не пойду. Скажи, что я не пойду. Я прилягу. Вотъ здѣсь прилягу... (*ложится на кушетку*.) А ты поѣзжай, Жоржъ... (*ласково*.) Непрестанно поѣзжай! У меня это скоро пройдетъ...

Нуманинь (*заботливо*). Ну, какъ же ты одна? Я останусь.

Анна (*нетерпливо*). Нѣтъ, нѣтъ!.. Я прошу тебя... Будь добръ, Жоржъ... Ну, иди же, иди, скажи мнѣ!.. Они ждутъ тебя. Иди!

Нуманинь (*беря ея руку и цѣлуя*). Хорошо, Аня, иду... (*съ тревогой*.) У тебя сильно болитъ голова?

Анна (*нетерпливо*). Да нѣтъ же, Жоржъ! Мнѣ надо одной... успокоиться... Я отдохну здѣсь... (*нетерпливо*.) Иди же, иди!

Нуманинь (*еще разъ цѣлуя ей руку*). Прощай, Аня!.. (*уходитъ*.)

Анна (*вслѣдъ*). Прощай. (*ложится одна на диванъ, съ закрытыми глазами и третъ то мѣсто руки, которое поцѣловала Нуманинь*.) Горитъ рука... И холодно мнѣ... нехорошка... Что говорила она?.. Эгоистка! Можетъ быть!.. Всѣ люди эгоисты... Всѣ звѣри!.. Изъ всѣхъ звѣрей, самые хитрые, самые безсердечные!.. Всѣ, всѣ!.. Неужели же онъ не придетъ? Я тогда сама къ нему пойду... Я не могу больше!.. Даша!.. Несносная дѣвушка! Даша! Даша!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Анна Аванасьевна и Даша.

Даша (*входя*). Что изволите?

Анна. Даша, вы кому передали письмо, кому ему? Въ руки ему передали?

Даша. Да-съ, Константинъ Васильевичу.

Анна. Что же онъ сказалъ? Что сказалъ онъ?

Даша. Они сказали: хорошо-съ.

Анна. Наши уѣхали?

Даша. Должно быть уѣхали-съ.

Анна (*быстро вставая*). Даша, кто-то

подъѣхалъ! (*подходя къ окну.*) Это Константинъ Васильевичъ. Ступайте, Даша! (*Даша уходитъ.*) Пріѣхалъ, онъ пріѣхалъ! Сейчасъ сюда войдетъ. Что я ему скажу? Мнѣ совѣстно ему въ глаза посмотрѣть. Затѣмъ я написала ему проклятое письмо! Сердце бьется! Что я говорила Варѣ? Какъ это низко, подло... Этонистка! Какое вызывающее, злое лицо у ней было... (*смотря въ окно.*) Идетъ... Господи, какъ страшно... Вѣдь это глупо, бессмысленно... И какъ это я рѣшилась? Милый!.. Костя!.. Дорогой!.. (*прислушиваясь.*) Здѣсь за дверью... Что я могу ему сказать... Затѣмъ?

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Анна Аванасьевна и Дробышевъ.

Дробышевъ (*входя*). Здравствуйте, Анна Аванасьевна. (*подходитъ къ ней. Анна Аванасьевна медленно, не смотря на него, протягиваетъ ему руку.*) Какая холодная у васъ рука...

Анна (*тихо*). Ничего... Со мной ничего... Садитесь...

Дробышевъ (*послѣ неловкаго молчанія*). Анна Аванасьевна!

Анна (*торопливо*). Что вы, Константинъ Васильевичъ?

Дробышевъ (*неловко*). Простите... Можетъ быть, это странно съ моей стороны... Но я рѣшился лучше прямо... Мнѣ кажется, это всегда лучше... Не правда ли?

Анна (*въ сильномъ волненіи*). Да, да. Конечно! Это самое лучшее... (*взглянувъ на него.*) Говорите все, говорите! Не мучьте же... Я, вѣдь, знаю, что вы скажете!.. По лицу вашему вижу, все вижу... Но вы все-таки скажите, все скажете!.. Я и когда писала это письмо къ вамъ, знала вашъ отвѣтъ... то-есть предчувствовала его... И все-таки написала письмо... И не могла не написать!.. Я нарочно просила васъ пріѣхать къ намъ, чтобы вы сами сказали мнѣ отвѣтъ... Вы не любите меня, да? Вы любите другую? Я знаю, знаю...

Дробышевъ. Да, я люблю другую...

Анна (*нервно*). Эту, именно эту фразу я себя столько разъ повторяла... Я говорила себѣ, что глупо было писать вамъ.

Дробышевъ. Вы очень взволнованы, Анна Аванасьевна, но мнѣ бы хотѣлось все-таки разъ навсегда кончить это... Выслушайте меня, если можете.

Анна (*съ болѣзненной улыбкой*). Почему же нѣтъ... Конечно, могу... Говорите...

Дробышевъ. Глупо было бы увѣрять васъ, Анна Аванасьевна, что когда-то я любилъ васъ... Вы это сами прекрасно знаете... Вы предпочли другого... Наши дороги разошлись... И можетъ быть, къ лучшему... Мы, вѣроятно, не были бы счастливыми супругами! Теперь, послѣ де-

сятилѣтней разлуки, вы пишете мнѣ это безумное письмо. Вы жалуетесь на пустоту жизни, на окружающую васъ среду, на отсутствіе разумности вашего существованія... И всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, просите меня спасти васъ... Разсказать вамъ, какія чувства возбудило во мнѣ ваше письмо,—я не могу. И злость-то кипѣла во мнѣ, и самолюбіе-то мое какъ будто тѣшилось... И жалъ-то мнѣ было васъ! До того жалъ было, что я рыдалъ надъ вашимъ письмомъ, какъ сумасшедшій... И... говорить, такъ говорить все! Вдругъ я позабылъ все настоящее!.. И былъ одинъ такой моментъ... Только одинъ моментъ!.. Мнѣ казалось, что дороже, лучше васъ для меня никого въ мірѣ нѣтъ!

Анна (*блѣдная и взволнованная*). И на томъ спасибо!

Дробышевъ. Но сейчасъ же предо мной возсталъ другой образъ... Я ясно увидалъ, дѣйствительность... Что я одну ее люблю больше жизни!.. А все остальное только призракъ прошлаго... Я не колеблясь говорю вамъ, что не могу любить васъ... Ничѣмъ не могу помочь вамъ... Разочарованіе, о которомъ вы пишете, мнѣ кажется, имѣетъ глубокія причины. Оно плодъ вашей жизни!.. И если вы дѣйствительно тяготитесь бездѣльной, пустой жизнью, то, конечно, суждете найти выходъ къ болѣе разумной жизни. Любовь ко мнѣ тутъ непричемъ, Анна Аванасьевна... А имѣть больше любви къ людямъ вообще вамъ не имѣаетъ.

Анна (*раздраженно*). Да, что вы мнѣ мораль читаете! Вѣдь это совсѣмъ глупо! Поймите же! Вѣдь я сама все это знаю! Не нужно мнѣ вашей морали, не нужно! Вы сказали ужъ все! Вы не можете меня любить. Вы любите другую! Ну, и прекрасно! И прекрасно! А тамъ позвольте самой рѣшить, какъ мнѣ жить! Я сама это рѣшу!

Дробышевъ. Простите меня! Я это сказалъ по старой дружбѣ... Можетъ быть это дѣйствительно было глупо... Прощайте, Анна Аванасьевна!

Анна (*какъ бы удивляясь*). Какъ? Вы уже уходите?! И больше никогда, никогда не придете?

Дробышевъ. Я не могу бывать здѣсь больше... Поймите это, Анна Аванасьевна... (*поспѣшно протягивая руку.*)

Анна. Да, да... Я понимаю... Прощайте!.. Уходите, уходите!

Дробышевъ (*быстро уходя*). Прощайте. (*уходитъ.*)

Анна (*одна*). Ушелъ. Стало-быть все кончено... рѣшено... Да... Онъ не можетъ любить... Онъ любить другую... Что же еще?.. это такъ понятно... Онъ будетъ счастливъ, а я эгонистка!.. (*въ нервномъ возбужденіи.*) А если

у меня сердце разрывается от вашего счастья!.. А если я тоже хочу быть счастлива? Меня нельзя так третировать! Во мнѣ есть тоже сердце... Намвные, глупые люди!.. Они думаютъ, что я смирюсь!.. Что со мной такъ можно поступать!.. (злобно смеется.) Ха, ха, ха, ха!.. Вы узнаете меня, Варенька! Вы меня не напугаете своими угрозами!

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Анна Аванасьевна и Нуманингъ.

(Нуманингъ входитъ и пораженный останавливается у дверей.)

Анна. У меня ничего нѣтъ въ жизни... Ничего, кромѣ него!.. Никого и ничего!.. Его отняла, все отняла.

Нуманингъ. Аня!..

Анна (злобно). А, это вы!.. Что же вы не поѣхали на рыбную ловлю! А впрочемъ, вы хорошо сдѣлали... Мнѣ надо вамъ кое-что сказать... Очень важное нѣчто...

Нуманингъ (подходя). Что такое, Аня?.. (съ тревогой.) Не лучше ли въ другой разъ... Ты теперь чѣмъ-то встревожена...

Анна (горячо, порывисто). Нѣтъ ничего!... Этого нельзя откладывать!... Теперь-же надо все сказать. Непременно теперь-же... Я не могу больше скрывать—я не люблю васъ.

Нуманингъ (пораженный). Какъ?!... Что ты сказала, Аня?...

Анна (нетерпеливо). Ну, да!... Я не люблю васъ!... Я люблю другого... И никогда, никогда васъ не любила... Я вышла за васъ только потому, что меня забавляла ваша извѣстность!... Я была дѣвченка!... Меня тѣшила ваша слава либеральнаго земца, ораторъ!

ра!... Это было, можетъ быть, очень необдуманно, глупо... Но, что-же дѣлать... Это правда!...

Нуманингъ (совершенно убитый). Аня, опомнись, что ты говоришь?

Анна (съ нервной злобой). Да, это правда!... Это была ошибка!... Странная ошибка! Вся жизнь моя съ вами была сплошной ошибкой!... Я давно тяготилась этой жизнью!... Я очень скоро увидѣла, всю вашу пустоту, надутость, лживость... Да, лживость!... Вы—фразеръ, загубившій мою жизнь, мою молодость!... Я ненавижу васъ!... Слышите, я ненавижу васъ!...

Нуманингъ (страшно взволнованный). Аня, ради Бога!... Я прошу тебя,—замолчи!...

Анна. Я люблю Дробышева!... И онъ меня любитъ!... Да, я знаю, онъ любитъ меня!... Это онъ неправду говорилъ... Я сама пойдю къ нему... Я свободна!... Я буду счастлива!... Вы меня никогда не любили!...

Нуманингъ (бросаясь къ ней). Да замолчи же ты, Аня!... Пожалѣй меня, Аня!... Я вѣдь тоже человекъ! У меня тоже есть нервы!... Я могу съума сойти отъ этого, Аня!... Все это время, я какъ потерянный ходилъ!... Я улыбался... я вѣдь не показывалъ!... Но у меня въ сердцѣ дѣлалъ адъ кипѣлъ!... Дѣлалъ все, что хочешь. Съ кѣмъ хочешь будь счастлива!... Но моихъ чувствъ къ тебѣ не трясай!... Ты ихъ не понимаешь!... Не казни меня за то, въ чемъ я не виновата!... Не губишь я губить твоей молодости!... Жизнь за тебя всегда готовъ былъ отдать!...

Анна (съ легкой истерикой). Да не надо мнѣ!... ничего мнѣ вашего не надо!... Слышите, ничего не надо!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Рабочій кабинетъ Дробышева. Простая, обитая клеенкой, мягкая мебель. На стѣнахъ портреты писателей и ученыхъ. У правой стѣны, около окна, большой письменный столъ; на немъ принадлежности письма; книги, чертежи, статуэтки Гейне и Тургенева, портреты въ рамкахъ; у лѣвой стѣны, напротивъ стола,—токарный станокъ, на стѣнѣ—открытый шкафъ съ инструментами; на станкѣ—неоконченная работа. У задней стѣны, по бокамъ двери,—шкафы съ книгами. Дверь, одна въ задней стѣнѣ въ переднюю, другая—слѣва,—въ внутреннія комнаты; въ правой стѣнѣ—два окна. Комната имѣетъ уютный, опрятный видъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Дробышевъ, одинъ, сидитъ за письменнымъ столомъ и торопливо пишетъ, порой останавливается, закуриваетъ папироску, прочитываетъ написанное и снова принимаетъ писать.

Дробышевъ (одинъ, переставая писать). Конечно... (Заклеивая письмо.) Боже мой, какъ мнѣ жаль эту женщину! Какое грустное чувство овладѣваетъ мной при одномъ только воспоминаніи о ней!... Сколько ужаса она внесла въ мою жизнь!... (громко.) Павелъ!... (ж-

думаясь.) Как я сегодня странно настроенъ... Того и глади, расплачусь, пожалуй...

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Павелъ *(выходя)*. Чего извольте, Константинъ Васильичъ?

Дробышевъ. Отдай, братъ, это письмо Дашѣ, куманинской горничной.

Павелъ *(беря письмо)*. Слушаю-съ! *(уходитъ.)*

Дробышевъ *(одинъ)*. Сегодня придетъ Варя... Надо прибодриться... Она за послѣднее время стала очень подозрительна... Такъ испытующе въ глаза смотреть... Пройдетъ все это... Пройдетъ!... Куманины скоро уѣдутъ... Мы повѣнчаемся... Все войдетъ въ свою колею... *(задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Дробышевъ и Варя.

Варя. Торжествуемъ, Костя!... Торжествуемъ, милый!... *(быстро подходитъ къ нему и целуетъ.)*

Дробышевъ. Что такое, Варя?

Варя *(радостно)*. Папа согласился, чтобы мы повѣнчались на этой недѣлѣ!... Насилушкуну-то мнѣ удалось его уговорить!... Затвердилъ одно: такъ скоро нельзя этого сдѣлать... Это важный шагъ... на всю жизнь... надо обдумать... Тетя тоже его сторону держала... Приданое, говорить, не сдѣлано, ничего не приготовлено!... Такъ никто не дѣлаетъ!... Подумаютъ, что мы обрадовались, что такой женихъ попался... Съ рукъ тебя спускаемъ... И прочее въ томъ же духѣ... Я, просто, въ отчаяніе впала... Но за то, если бы ты слышалъ, какъ я была краснорѣчива!... Сама даже на себя удивляюсь... Папа даже въ концѣ концовъ прослезился... Ты знаешь, онъ вѣдь восторженный такой!... Вслѣдъ за нимъ и тетя пролила слезу... И сейчасъ-же одѣлась и куда-то побѣжала... Вѣроятно, къ Сокольскимъ, сообщить столь необычайное событіе!... Наши сегодня общались къ тебѣ придти... Это я настояла, чтобы они сегодня же насъ благословили и непремѣнно у тебя... Мнѣ такъ хочется, чтобы это было у тебя!... *(цѣлуетъ ея.)* Дорогой мой, золотой, милый!... Я впередъ нарочно прибѣжала... Хочу у тебя сегодня хозяйничать!...

Дробышевъ *(тревожно)*. Да, это хорошо, Варя... Я очень радъ... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Я самъ хотѣлъ объ этомъ переговорить съ Петромъ Григорьевичемъ.

Варя *(засматривая ему въ глаза)*. Костя, отчего у тебя глаза такіе странные?

Дробышевъ *(неловко улыбаясь)*. Что ты, Варя... Богъ съ тобой!... Обыкновенные глаза.

Вари. Нѣтъ, нѣтъ... Я вижу, Костя... Ты чѣмъ-то недоволенъ? У тебя какое-нибудь го-

ре... Скажи же мнѣ, Костя?... *(ласкаясь къ нему.)* Скажи, милый!... Ты совсѣмъ не смотришь радостнымъ женихомъ. *(обнимая и ласкаясь къ нему.)* Полно же, Костя!... Полно, милый!... Вспомни, какъ мы ждали этого дня... Мы сами положили на себя обѣтъ—годъ подождать до свадьбы, никому не объявляя о нашей любви... Годъ миновалъ... Мы также, какъ въ первый день нашего объясненія, любимъ другъ друга... *(заглядывая ему въ лицо.)* Вѣдь—да; правда, милый?...

Дробышевъ *(искренно, съ чувствомъ)*. Я люблю тебя больше, чѣмъ тогда!

Варя *(веселая, счастливая, цѣлуетъ его)*. Дорогой мой!... Знаешь, Костя, передо мной сейчасъ какъ-то мгновенно промелькнулъ этотъ годъ... Господи, сколько счастья, сколько радости пережила я за это время!... Не пере-сказать!... *(вспоминавая.)* Пріѣхала я изъ гимназіи домой, въ деревню... Дико все, непривѣтно мнѣ все казалось... Папа все время поетъ, вздыхаетъ о Петербургѣ, о своей славѣ столичнаго bon vivant'a... Тетюшка-цѣлые дни ужасные романы изъ французской жизни читаетъ, тоже сокрушается, что не можетъ блистать въ Парижѣ. Въ домѣ у насъ неуютно, не прибрано, холодно... Въ хозяйствѣ—раззореніе полное!... Оглядѣлась я и порѣшила всю свою жизнь старикамъ посвятить... Почти мнѣ, неспособнымъ приладиться къ новымъ условіямъ жизни... Два года такъ прожила... Вся ушла въ хозяйство, въ практику жизни... Ижизнь стало въ порядокъ приходить, доходы стало давать... Папа повеселѣлъ. Надежда мелькнула у него опять въ Питеръ катнуть... Онъ, вѣдь, добрый, хороший, немножко легкомысленный... Порой, совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ мнѣ кажется!... Все я въ свои руки взяла, все хозяйство... Заглохли во мнѣ всѣ личные интересы... Я ужъ стала думать, что совсѣмъ закалилась въ этой жизни, что для меня лично ничего не надо... *(съ восторгомъ.)* И вдругъ я встрѣчаю те-бя... Господи, какой это былъ радостный день...

(становясь передъ нимъ на колѣни и заглядывая ему въ глаза.) Ты помнишь, Костя, нашъ первый разговоръ... Въ паркѣ у Тверскихъ... Вѣдь, ничего особеннаго мы и не говорили... О хозяйствѣ что-то... о твоей фабрикѣ... о крестьянахъ... И вдругъ я почувствовала, что я люблю тебя... Я похолодѣла даже вся тогда отъ этой мысли... И потомъ... Потомъ вѣстѣ съ любовью къ тебѣ во мнѣ заговорила мало-по-малу любовь ко всѣмъ лю-дямъ, ко всему міру!... Мнѣ захотѣлось жить въ любви со всѣми!... *(восторженно.)* Ты открылъ мнѣ цѣлый міръ наслажденій!... За-ставлялъ иначе смотрѣть и на себя и на дру-гихъ... Твои бесѣды со мной всѣ здѣсь у ме-ня, Костя, въ сердцѣ... Теперь вѣстѣ съ то-

бой мнѣ такъ хорошо, такъ легко... Мы будемъ работать вмѣстѣ!... (нѣжно.) Какая послушная, какая хорошая я жена тебѣ буду... Какъ буду любить тебя, беречь, лелѣять... Костя, дорогой!... Неужели ты не чувствуешь, какой радостный день сегодня для насъ?!... Я готова болтать безъ умолку, сѣяться, плакать отъ радости!... (смотря на него.) Что это, Костя, ты, кажется, не слушаешь меня?... Что съ тобой, милый?...

Дробышевъ (съ волненіемъ). Безпокойство какое-то у меня на душѣ, Варя... Я не хотѣлъ тебѣ этого говорить, но развѣ ты замѣтила... спрашиваешь... я долженъ все тебѣ сказать... Сегодня я получилъ письмо отъ Анны Аванасьевны.

Варя (вспыхнувъ). Опять!... Какая нозость!...

Дробышевъ. Она проситъ меня, чтобы я непременно сегодня прѣхалъ къ нимъ... Что ей необходимо объясниться со мной...

Варя (съ тревогой). И ты поѣдешь, Костя? Дробышевъ. Я написалъ ей, что считаю невозможнымъ быть у нея...

Варя. И прекрасно, сдѣлалъ!... Стало быть, все кончено!... Чего еще печалиться...

Дробышевъ. Варя! Дорогая Варя, если бы ты прочла это письмо!... Сколько въ немъ горя, тоски, ужаса!... Это какой-то вопль несчастлившей души!... Невольно это письмо вызываетъ во мнѣ страшную жалость къ этой женщинѣ.

Варя (энергично). Я ни понимаю этого, Костя!... Мнѣ кажется, это просто сантиментальность!... Правда, ея жизнь пуста, скучна, бессмысленна... Кто же въ этомъ виноватъ, кроме нея самой... Кто виноватъ, что она вѣкъ жила только для самой себя... И теперь ея любовь къ тебѣ развѣ это не голый эгоизмъ!...

Дробышевъ (взволнованно). Нельзя такъ, Варя, судить о людяхъ, нельзя!... Это слишкомъ прямилинейно!... Жизнь—сложная вещь! Она страшно коверкаетъ людей... И ее она исковеркала до неузнаваемости... Я зналъ ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ совсѣмъ другимъ человекомъ и поэтому-то теперь мнѣ больно видѣть ее такой... Это что-то до нельзя исковерканное, необузданное, истеричное!... Изъ дѣвушки, готовой на все хорошее, честное... Изъ самоотверженной дѣвушки, способной душу положить за другихъ, десять лѣтъ бессмысленной жизни выработали избалованную, избалованную барыню, ни къ чему не способную... Видѣ это ужасно, Варя!

Варя (нѣсколько обиженно). Ну, кто же жѣзжаетъ... подите, спасите!...

Дробышевъ (горячо). Варя!... Ради Бога, перестань ревновать и дуться!... Мнѣ жаль ее по человечеству... Итѣю же я право, Ва-

ря, сочувствовать горю человѣка, хотя бы это была и женщина.

Варя (горячо). Конечно, итѣешь... Я, вѣдь, ничего не говорю объ этомъ... Я только не хочу, чтобы ты сегодня объ ней думалъ... Не хочу, чтобы ты сегодня былъ грустнымъ... Сегодня радостный день нашей жизни! (ласкаясь.) Ну, полно же, милый, полно!... Я, можетъ быть, злая, нехорошая!... Я пристрастна къ ней... Она стоитъ у меня поперекъ дороги... Я все боюсь, что она отниметъ тебя у меня... Мнѣ и самой иногда бываетъ ее жалко!... (энергично.) Но, теперь, сегодня, я ненавижу ее, Костя!... Я готова не знаю что сдѣлать съ ней!...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Дробышевъ, Варя и Силачева.

(Силачева, постыжно входя, еще у порога начинаетъ говорить.)

Силачева. Ахъ, какъ это интересно!... Какъ интересно!... Варечка, ты уже здѣсь?.. Я очень рада... Я такъ сѣбила... Нѣтъ, кова!... Да она, просто, сьумасшедшая!...

Варя. Что такое, тетя?.. Вы точно съ жарара.

Силачева. Хуже, мать моя, хуже!... Цѣлы волканъ!... Нѣтъ, я же могу опомниться!... Нѣтъ, твой батюшка... Ахъ, донъ-Кихотъ!... Ахъ, рыцарь печальнаго образа!... Да она тамъ всѣ сьума посошла!...

Дробышевъ (раздраженно). Да что же такое случилось наконецъ?

Силачева. Никакъ въ себя придти не могу!... Бѣжала, какъ настиганная!... Представьте вы себѣ!... Ты поминишь, Варечка, нашъ сегодняшній разговоръ... Ну, вотъ, когда дѣло было совсѣмъ рѣшено, я пошла прогуляться... Иду мимо усадьбы Сокольскихъ, дай, думаю, зайду... Хорошо, захожу... Вижу у нихъ въ домѣ что-то такое не такъ... Ну, да итѣ что за дѣло... Вы знаете, я терпѣть не могу интересоваться чужими дѣлами... Вижу, какъ будто ничего не знаю... Спрашиваю: дона барыня? Дона-сь, нездоровы; у себя въ коннатѣ... Я къ ней туда... Лежитъ на кушеткѣ, волосы распущены, глаза горятъ; въ одну точку вотъ такъ вставилась и смотритъ... сама блѣдная, какъ смерть!... Пенваръ свѣтло-голубой, роскошный!... Кружева—вотъ такія... право, не лгу... брусельскія.

Варя (торопливо). Ахъ, тетя, какая вы право!

Силачева. Ну, я съ-ней поздоровалась... Она такъ, знаешь, дико на меня смотритъ... Ну, я тоже боюсь... То-се... пустяки всякія бѣтаю... Думаю ее развлечь... А сама боится... Только, какъ то печально я... такъ знаете, нѣмоходомъ... итѣ какое дѣло!... Я не люблю въ

чужія дѣла вѣшиваться... И скажи я мнѣ-хочу, что у насъ на этой недѣлѣ свадьба... Ватюшки мои, угодили!.. Что съ ней сдѣлалось!... (*показывая все въ лицахъ.*) Какъ вскочить она съ кушетки... «Какъ говорить, свадьба! Какая свадьба?».. Да ко мнѣ эдакъ и подступаетъ... Я струхнула... Сама не знаю, что молочу... «Варя... Аня... Успокойтесь говорю, съ Костей!».. Какъ она услышала ваше имя, Константинъ Васильевичъ, такъ у ней лицо то все на сторону и перекошилось... Честное слово не вру!.. Не бывать, говорить, этому!... да ногой какъ стукнуть... Я такъ и присѣла!.. Подите, скажите мнѣ, что я не позволю, говорить, этого!.. Я было занюхалась... «Какъ же это, молъ, вы не позволите?» Какъ она на меня крикнетъ, какъ топнетъ!... Не знаю, какъ меня Богъ и вынесъ отъ ней... До сихъ поръ у меня сердце, какъ барабанъ, тревогу бьетъ... Даша то говорить, что у нихъ сегодня утрокъ съ муженькомъ бурная сцена была... Егоръ Дмитріевичъ, чуть было ее не задушилъ, говорить... Взялъ вотъ такъ за горло...

Варя (*крайне встревоженная*). Полно вамъ, тетя, выдумывать.

Дробышевъ (*прохаживаясь по комнатѣ*). Какой ужасъ, какой ужасъ!

Силачева (*обиженно*). Какъ, матушка, выдумывать?! Онъ съ того самаго часа ушелъ и до сего времени домой не бывалъ... Какъ потерянный бродитъ...

Варя. Да, полно же вамъ, тетя!... Я васъ прошу... (*тихо.*) Вы посмотрите на Костю...

Силачева (*неловко перемтывая тонъ*). Константинъ Васильевичъ! У васъ тутъ все приготовлено?! къ вамъ сегодня гости награнуть. Вы знаете?..

Дробышевъ (*разсѣянно*). Кажется все... Я не знаю, право... Варя, будьте добры, похозяйничайте сегодня у меня... Простите, что я...

Силачева. Отлично... (*Варъ.*) Надо при-выкать, матушка... Пойдемъ-ка, и я тебѣ помогу... (*Дробышеву.*) Мы въ саду чай приготовить?...

Дробышевъ. Отлично, отлично...

Варя (*озобоченная*). Пойдите, тетя...

Силачева (*уходя, Варъ*). Но если бы ты, Варичка, видѣла ея физиономію!... глаза вытаращены, носъ какъ то вытанулся, ротъ этакъ скривился... Ахъ, ты Господи!... (*уходя.*) До сихъ поръ опомниться не могу!

Дробышевъ (*одина*). Да что же это со мной дѣлается? Чего же я весь дрожу, какъ въ лихорадкѣ!.. Почему у меня такъ тяжело на сердцѣ?... Вѣдь я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть?... Въ моихъ отношеніяхъ къ ней не было и тѣни чего-нибудь двусмысленнаго... Но виноватъ же я, въ самомъ дѣлѣ, что она влюбилась въ меня!.. Не виноватъ, не виноватъ?

И все-таки сегодня у меня почему-то сердце такъ больно сжалось, когда Варя упомянула о нашей свадьбѣ... Уже не жаль ли мнѣ прошлого?... Нѣтъ, нѣтъ!... Ничуть!... Это просто потому, что моя свадьба страшнымъ горемъ отзовется въ ней... Сознаніе этого горя—её горе отравляетъ мою радость... мое счастье... Конечно такъ...

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Дробышевъ, Павелъ, затѣмъ Куманинъ.

Павелъ (*входя*). Константинъ Васильевичъ, васъ господинъ Куманинъ спрашиваетъ.

Дробышевъ. Куманинъ! Ахъ, ты Господи!.. Прости...

(*Павелъ уходитъ.*)

Дробышевъ (*одина*). Вотъ совѣтъ не во время... Онъ, вѣроятно, за объясненіемъ.

Куманинъ (*блѣдный, разстроженный, холодно кланяется*). Игнѣ честь кланяться!..

Дробышевъ. Здравствуйте, Егоръ Дмитріевичъ!

Куманинъ. Простите, что я побеспокоилъ васъ. Я васъ не задержу долго... Мнѣ надо только сказать вамъ нѣсколько словъ.

Дробышевъ. Сдѣлайте одолженіе! Садитесь, прошу васъ.

Куманинъ. Надѣюсь, вамъ не помѣшаютъ?

Дробышевъ (*уходя въ комнату наглаго*). Сію минуту! (*возвращаясь.*) Я къ вашимъ услугамъ.

Куманинъ. Константинъ Васильевичъ!... (*смотря на него.*) Вы, вѣроятно, догадываетесь, о чемъ я хочу говорить съ вами... И я, надѣюсь, вы будете со мной откровенны... Я знаю, вы честный человѣкъ.

Дробышевъ. Что вы хотите знать, Егоръ Дмитріевичъ?

Куманинъ (*съ большимъ усиленіемъ*). Только одно слово. Скажите откровенно... Мнѣ необходимо это знать... Я, положительно, ничего не понимаю... Скажите... (*смотря на него.*) Вы любите Анну Аванасьеву?

Дробышевъ. Нѣтъ.

Куманинъ. Нѣтъ?.. Это вы говорите, какъ честный человѣкъ?

Дробышевъ. Какъ честный человѣкъ!

Куманинъ. Вы сказали это ей.

Дробышевъ. Сказалъ.

Куманинъ. Объясните же мнѣ... Ради Господа, прошу васъ, объясните мнѣ все, что происходитъ съ ней?... Я рѣшительно ничего не понимаю!.. Она настаиваетъ, чтобы я далъ ей разводъ... Она надѣется выдти за васъ замужъ... Всѣ мои просьбы, всѣ мои молебны ни къ чему ни привели... Она ничего не хочетъ слышать. И только одно твердитъ, чтобы я далъ ей разводъ... Но, я люблю ее,

Константинъ Васильевичъ.. Я только теперь появля, какъ я люблю ее и какъ тяжело... какъ невыносимо тяжело мнѣ будетъ потерять ее!.. Все это я говорю вамъ!.. Вамъ, котораго еще за минуту передъ этимъ я венавидѣлъ отъ всего сердца... Вамъ, моему заклятому врагу, какъ я только что называлъ васъ!.. Но, теперь... какъ это странно, не правда-ли? Теперь я чувствую, что только вамъ могу раскрыть мою душу!.. Я ничего ни пожалѣю. Я ничѣмъ не подорожу, только бы сѣ было хорошо!.. Я готовъ на все!.. Готовъ уѣхать на край свѣта, только бы она была счастлива!.. Но ненависти ея я не могу перенести!.. (со слезами.) Я не могу видѣть ея глазъ съ злобой устремленныхъ на меня!.. У меня всю душу переворачиваетъ ея взглядъ. Ахъ, если бы я могъ ее сдѣлать счастливою!.. Если бы я могъ...

Дробышевъ (взволнованный). Егоръ Дмитріевичъ!.. Успокойтесь, родной... Все это устроится... Мнѣ кажется, самое лучше уѣхать вамъ всѣмъ отсюда... Насколько возможно скорѣй уѣхать.

Куманинъ. Да что же я могу съ ней сдѣлать?... Что я могу сдѣлать?... Вчера она совсѣмъ соглашалась ѣхать... Она умоляла меня, чтобы я увезъ ее отсюда... Сегодня она объ этомъ и слышать не хочетъ!..— Ахъ, Константинъ Васильевичъ, и я, и Аванасій Григорьевичъ, положительно потеряли голову... Она то плачетъ, какъ потерянная цѣлый день... Проситъ у насъ прощеніе, что такъ беспокоитъ насъ... То ею овладѣваетъ какое то ужасное самоубицество, желаніе смиренья, приниженность... Если бы вы только знали, какъ она страдаетъ... То она говоритъ, что вы влюблены въ нее, и изъ чувства самолюбія, чести, не хотите сознаться въ этомъ, то ей кажется, что вы венавидите ее... Что ее всѣ ненавидятъ... какъ страшную эгоистку... И она кричитъ, что она дѣйствительно эгоистка и докажетъ это всѣмъ... Боже мой! что это за несчастная женщина!

Дробышевъ (крайне взволнованный). Егоръ Дмитріевичъ!.. Не мучьте же меня!.. Не мучьте... Я все это время не помню себя... У меня сердце обливается кровью!..

Куманинъ (подавая ему руку). Простите... Я самъ не знаю, что говорю... зачѣмъ говорю... Мнѣ надо было высказаться... Надо было облегчить свое сердце!.. Теперь мнѣ легче...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Дробышевъ, Куманинъ и Силачевъ.

Силачевъ (входя). А! Егоръ Дмитріевичъ! Bonjour, mon cher! Здравствуйте, Константинъ Васильевичъ! (смотритъ на Куманина.) Однако, что съ тобой, Егоръ Дмитріевичъ? Ты, братъ, совсѣмъ того...

Куманинъ. Ничего... Прощайте!.. (подастъ ему руку и идетъ къ двери). Константинъ Васильевичъ, на два слова... (уходитъ).

Дробышевъ (уходя за нимъ). Сю минуту!

Силачевъ (одинъ). Что сей сонъ значить? (покручивая у зеркала усы). У нитъ въ домѣ происходитъ что-то такое, того... эдакое... Анна Аванасьевна влюблена!.. Но въ кого, а?... «Вотъ въ чей вопросъ?... Заманчивая женщина, чортъ побери!.. И вдругъ!.. А?... (смотрясь въ зеркало.) Что же я еще мужчина хоть куда... (напѣваетъ.) «Люби всѣ возрасты покорны»?... Да, а хорошо бы того... Годковъ двадцать съ плечъ спустить. (прохаживается, насвистывая и раздумывая.)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Силачевъ и Силачева.

Силачева (быстро входя). Ну, что?

Силачевъ. Благодарю васъ... ничего!

Силачева. Видѣли вы Куманина?

Силачевъ. Видѣлъ-съ.

Силачева. Ну, что же онъ, какъ?... Что же онъ говорить?... Сильно его все это тревожитъ?

Силачевъ (равнодушно). Да, кажется, вообще, того... Онъ не особенно веселъ...

Силачева. «Вообще... того... неособенно веселъ»... Есть чему радоваться... Да вы знаете ли, что произошло?

Силачевъ. Нѣтъ, не знаю, матушка.. А что такое?

Силачева. Да, вѣдь, Анна Аванасьевна-то ваша разводится съ мужемъ.

Силачевъ (радостно). Да веужели? Да не можетъ быть!

Силачева. Какъ не можетъ быть, коли она на весь домъ кричитъ у себя... Дай мнѣ разводъ!.. Вся дворня это знаетъ.

Силачевъ. Я такъ и зналъ!.. Это тѣмъ и должно было кончиться.

Силачева. Ничего вы не знали!..

Силачевъ (задорно). Нѣтъ-съ, зналъ-съ!.. И давно это ей говорилъ... Какой-же онъ съ мужъ-съ, помилуйте?..

Силачева. Вы, кажется съ ума сошли, батюшка!.. Ужъ не вы ли ей пара?

Силачевъ. Я про себя ничего не говорю... Ничего не говорю... А и мы когда-то тоже, того... И съ нами въ жизни были эпизоды!

Силачева. Да васъ водой холодной надо окатить, батюшка!..

Силачевъ. Я васъ прошу, сестрица!.. Не оскорбляйте меня... Я человѣкъ горячій!.. Я могу не удержаться... Я, какъ говорится, того...

Силачева. Вы бы лучше подумали, какъ тутъ быть-съ?.. Вы ничего не видите... Видъ она въ жениха вашей дочери влюблена.

Силачевъ. Какъ, въ жениха?!.. Что вы го-

родите!?. Въ какого жениха?.. Въ Дробышева?.. Не можетъ быть!..

Силачева. Вотъ вамъ и не можетъ быть, а влюблена!.. А вы все около вертитесь, и ничего не видите... Занеслись очень... воображали...

Силачевъ (съ раздраженіемъ). Я не привыкъ носъ совать туда, гдѣ меня не спрашиваютъ... Мнѣ что за дѣло! Я не салонница какая-нибудь... Сплетнями не занимаюсь.

Силачева (возмущенно). Слышите!.. Не салонница!.. Не занимаюсь сплетнями!.. Да, вѣдь, вы отецъ... Поймите, отецъ!.. У васъ взрослая дочь! Вы должны же знать за кого вы ее выдаете?.. А вы ходите пѣсенки насвистываете, да усы нафабриваете, да предъ зеркалами вертитесь... Очень хорошо-сь!

Силачевъ. Вы говорите-сь, что-то того... совсѣмъ несуразное... Причѣтъ тутъ отецъ... Не понимаю... Вамъ положительно надо съ докторомъ посоветоваться...

Силачева. Вы, кажется, на старости лѣтъ, изъ ума вы...

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Силачевъ, Силачева и Дробышевъ.

Силачева (увидавъ Дробышева, бросается къ нему). Ну, что Константинъ Васильевичъ?.. На чѣмъ вы покончили съ нимъ, я такъ испугалась, когда узнала, что онъ пріѣхалъ!.. Онъ вызывалъ васъ на дуэль-да?.. Я такъ и знала... Я Варю нарочно въ садъ усала.

Дробышевъ. Напрасно вы такъ беспокоитесь... Никто меня не вызывалъ...

Силачевъ. Константинъ Васильевичъ... Ты, братъ, можешь на меня рассчитывать... Я, братъ, того...

Дробышевъ (взволнованный). Успокойтесь, господа... Никто меня не вызывалъ... Все уладится, какъ нельзя быть лучше... Прошу васъ, господа... Будьте добры... не будемъ больше объ этомъ говорить... Мнѣ очень тяжело... И Варя, конечно, очень волнуется...

Силачева. Да, да! Конечно!.. Стоить ли объ этомъ много говорить... У насъ на носу свадьба... У насъ много своихъ семейныхъ дѣлъ... Пойдите, Константинъ Васильевичъ, въ садъ, Столъ накрытъ... Все готово... Пожалуйте... (уходитъ.)

Дробышевъ (уходя). Пойдите. (уходитъ.)

Силачевъ (уходя). Нѣтъ!.. Каково?!.. Не ожидалъ, того... Не ожидалъ... (уходитъ.) (Сцена нѣкоторое время пуста.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Анна, Аванасьева. затѣмъ Павелъ,

Анна (быстро входя изъ средней двери и оглядываясь). Нѣтъ дома?.. Неужели нѣтъ до-

ма?.. Не можетъ быть!.. (Намтрываясь пройти мимо.) Тамъ, можетъ быть?..

Павелъ (входя и кланяясь). Здравствуйте, барыня!

Анна (внезапно останавливаясь и вздрагивая). Ахъ, кто это? (хватаясь за сердце.) чего-же это я такъ испугалась!.. (смотря улыбаясь на Павла.) Здравствуйте!.. Я къ Константину Васильевичу. Его нѣтъ дома?

Павелъ. Они въ саду-сь, съ гостями-сь.

Анна. Въ саду?.. съ гостями?.. (уходя къ двери.) Такъ я лучше въ другой разъ... Я въ другой разъ... Мнѣ не къ спѣху... Я пожду...

Павелъ. Ихъ можно-сь позвать.

Анна. Позвать... Сюда? Вы можете позвать его сюда?

Павелъ. Могу-сь. (хочетъ идти.)

Анна. Погодите, погодите!.. Я лучше въ другой разъ... Я лучше уйду...

Павелъ. Какъ вамъ угодно?

Анна. Вы меня знаете?.. знаете кто я?

Павелъ. Какъ же-сь, поинируйте-сь, Анна Аванасьева.

Анна (разстѣянно). Такъ вы меня знаете!.. Я тоже какъ-будто васъ припоминаю... Только вы не говорите, что я здѣсь была... Я въ другой разъ лучше... Нѣтъ, лучше теперь-же!.. Пойдите попросите его ко мнѣ... сюда... Только вы не говорите, что я пришла... Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ... Что я говорю?.. Я хочу нечаянно... Я не хочу, чтобы кто-нибудь зналъ, что я здѣсь была, у него... Понимаете?

Павелъ (недоумѣвая). Понимаю-сь.

Анна (роясь у себя въ карманъ). Вотъ вамъ... Нате, возьмите... (даетъ ему деньги.)

Павелъ. Затѣмъ же беспокоитесь... мы и такъ всегда...

Анна. Возьмите, возьмите... скажите, что его по дѣлу спрашиваютъ... По дѣлу къ нему пришли на минутку... Только не говорите, что я пришла.

Павелъ (уходя). Хорошо-сь... Будьте покойны-сь.

Анна (въ сильномъ волненіи). Это хорошо... (оглядываясь.) Все также, какъ прежде... Все, рѣшительно все!.. Ахъ, вотъ эта новая статуетка... Этого тогда не было... Это Гейне... Плохо сдѣланъ... Не похожъ... Вотъ портретъ ея. Она похожа... Передъ глазами у себя поставилъ... (злбно улыбаясь.) Куиръ... Однако, что-же это онъ такъ долго неидетъ?.. Хоть бы скорѣй все это покончить... Помѣшаетъ еще ктонибудь... Ахъ, какъ досадно!.. (съ страшной тоской) О, еслибъ онъ не пришелъ!.. А еще лучше, еслибы сейчасъ, сію секунду вошелъ папа или мужъ и увели-бы меня отсюда... Или она, Варя-бы, вошла... О, какъ мнѣ было-бы стыдно... Какъ стыдно... (закрываетъ руками лицо.) Никто неидетъ (пос-

тишно вставая). Уйти самой?! Скорѣй, скорѣй! (*дѣлаетъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ*.) Не могу... не могу... Ни за что не уйду!.. Они, должно быть, далеко ушли!.. Какъ мучительно долго онъ не идетъ. У меня голова начинаетъ кружиться... (*опускается на кресло и беретъ въ руки голову*.) Затѣмъ это все такъ живо?.. Затѣмъ въ головѣ проносятся эти картины счастья... Здѣсь, въ этой самой комнатѣ, онъ плакалъ предо мной, цѣловалъ мои руки... Говорилъ, что любитъ меня... Глаза... глаза его вижу... полные слезъ, огня, воодушевленія... Слышу его голосъ (*вскакивая*.) Чтѣ это? Галлюцинація, что ли? А теперь... Я готова плакать и умолять!.. Напрасно!.. То самое лучшее средство. Да что же это? Скоро ли онъ придетъ? Я закричу сейчасъ!—У меня давитъ здѣсь давить!.. Не могу больше... (*подходя къ окну и распахивая его*.) Душно!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Дробышевъ и Анна Аванасьевна.

Дробышевъ (*увидѣвъ ее*). Анна Аванасьевна!.. Вы!..

Анна (*быстро оборачиваясь*). Да, это я... Что же это вы такъ испугались меня? Я не привидѣніе! Здравствуйте!

Дробышевъ (*растерянно*). Я не ожидалъ... не думалъ... Мнѣ не сказали...

Анна. Да, я просила не говорить... Вы не хотѣли придти ко мнѣ... Вотъ я къ вамъ пришла.. Неправда-ли, какъ это странно?

Дробышевъ. Больше чѣмъ странно.

Анна. Жестоко, да?.. Не правда-ли?.. Но я только на одну минуту!.. Я пришла проститься съ вами... я завтра уѣзжаю...

Дробышевъ (*растерянно*). И хорошо дѣлаете...

Анна. Вы думаете?.. А если я не за этихъ пришла, а затѣмъ, чтобы потребовать отъ васъ, чтобы вы не женились...

Дробышевъ. Это невозможно...

Анна. Невозможно... Конечно, — невозможно!.. Я это знаю! — А вы думаете возможно

мнѣ смотрѣть равнодушно на то, что вы будете счастливы съ другой женщиной! Возможно мнѣ жить послѣ всего этого! Вѣдь нашей свадьбой вы мнѣ муку готовите!.. Смерть мнѣ готовите!.. Поймите это!.. А я не хочу одна умирать... Слышите, — не хочу!.. Я пришла убить васъ!..

Дробышевъ (*совершенно потерянно*). Боже мой!.. Что съ ней?..

Анна (*выхватывая револьверъ, кричитъ*). И я убью васъ, и себя убью!.. (*стрѣляетъ*.)

Дробышевъ (*хватаясь за грудь*). Безумная!.. (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ креслу*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.]

Анна Аванасьевна, Дробышевъ, Варя, Силачевъ и Силачева.

Силачевъ (*объявъ*). Что такое? Что случилось? (*увидѣвъ, что Анна Аванасьевна спускаетъ курокъ, цѣплясь себѣ въ грудь, подбѣгаетъ и вырываетъ у ней револьверъ*.)

Силачева (*въ дверяхъ*). Ахъ, Господи!..

Силачевъ. Что вы дѣлаете, Анна Аванасьевна!.. Что съ вами?..

Анна (*съ полнымъ изступленіемъ*). Пустите!.. Оставьте меня, оставьте!.. Я убила его!.. Я вѣстѣ съ нимъ хочу умереть!.. Съ нимъ вѣстѣ!.. Пустите-же!.. Умоляю васъ, прошу! Дайте мнѣ умереть... Съ нимъ вѣстѣ умереть... Пустите же!.. пустите!..

Варя (*пораженная*). Костя!.. убить?.. Ренъ... Она убила?

Дробышевъ (*со стономъ*). Варя... Варетка! Прости... холодно... Страшно холодно... (*опускается въ кресло*.)

Варя (*бросаясь къ Дробышеву*). Костя!.. Дорогой!.. (*радостно*). Нѣтъ!.. Онъ живъ еще!.. Онъ не умеръ... Нѣтъ, не вѣрю... Не могу не вѣрить... Онъ дышитъ!.. Я спасу его!..

Анна (*слабо выбываясь, говоритъ тихимъ голосомъ*). Оставьте... Пустите... Дайте мнѣ умереть... Пустите... Я хочу умереть...!

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Камера тюремной больницы. — Небольшая комнатка, окрашенная сѣрой краской. — У задней стѣны — койка, у изголовья — небольшой столикъ. — Въ правой стѣнѣ узкое окошко съ рѣшеткой. — Подъ окномъ столъ и табуретка. — Въ лѣвой стѣнѣ, на противъ окна — дверь, недалеко отъ двери табуретка. — На столѣ, около койки, — чайникъ, чашка и нѣсколько пузырьковъ съ лекарствомъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Анна Аванасьевна (одна).

Анна (*въ черномъ простенькомъ шерстяномъ платьѣ, закинувъ подъ голову руки,*

лежитъ на койкѣ, устремивъ глаза въ одну точку). Ну, вотъ и судъ совершенъ. Я осуждена. Я почти рада, что меня осудили. Мнѣ стало легче теперь. И одиночество не такъ ужасно вліяетъ на меня. Мнѣ не страшно больно.

Я не боюсь оставаться наединѣ сама съ собой. А какъ я ожидала суда. Какъ я боялась, и какъ страстно ожидала!! Мнѣ все казалось, что я не доживу до этого дня. И все снова и снова я вспоминаю весь этотъ день. Мучительно длинный, страшный день. Мнѣ не хочется думать объ этомъ. И какъ нарочно картина одна за одной проходить въ головѣ. (*вставая и садясь на постель.*) Скоро ли наши придутъ на свиданіе? Какая мука въ тюрьмѣ ждать кого-нибудь! Еще докторъ не приходилъ... рано стало-быть. (*идетъ къ окну.*) Холодно, должно быть на дворѣ... дождь. (*сидя на табуретку.*) И въ тотъ день тоже былъ дождь. Надзирательница рано меня разбудила. Я только-что было забылась къ утру. «Сегодня судъ»... сказала она мнѣ. И вдругъ во мнѣ все похолодѣло... лихорадка начала меня бить. Какъ сумасшедшая бросилась я одѣваться, скоро, скоро! Потомъ попросила у надзирательницы зеркало и посмотрѣлась. Неужели у меня такое ужасное, желтое лицо? Я даже вскрикнула отъ удивленія! И вдругъ мнѣ страшно жалко стало себя! Я залилась слезами. Мнѣ и теперь хочется плакать. (*молчаніе.*) Потомъ солдаты повели меня въ судъ. — По городу. Всѣ останавливались и смотрѣли на меня. А я не могла поднять глазъ на людей. И тамъ въ судѣ... масса народу... Судьи... и его платье въ крови! Ужасно, ужасно, ужасно! Ахъ, да зачѣмъ же, зачѣмъ же снова и снова все это воскресаетъ передо мной?! Вѣдь выше этой муки ничего нѣтъ!! «Кровь вопіетъ къ отищенію», это прокуроръ говорилъ. Отчего они не дали мнѣ умереть съ нимъ? Да что же это они нейдутъ? (*прислушиваясь.*) Шаги? Кто-то идетъ по корридору? Прошли? Не ко мнѣ. Что-то скажетъ Жоржъ? Что она отвѣтила? Съ какой ненавистью она смотрѣла на меня въ судѣ... (*удивленно.*) Какъ однако странно! Я привыкла здѣсь разговаривать сама съ собой. Мнѣ легче, когда я слышу свой голосъ. Не такъ страшно. (*За дверью стукъ замка. Анна Аванасьевна вздрагивая.*) Ахъ! (*хватаясь за сердце.*) Какъ сильно бьется. Какъ бьется...

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Анна Аванасьевна и Вознесенскій.

Вознесенскій (*въ дверяхъ, входя*). Здравствуйте, барынька! Какъ живете-можете?

Анна. Здравствуйте, докторъ! Мнѣ сегодня совсѣмъ хорошо. Я не больна...

Вознесенскій (*смотря на нее*). Ну и отлично, коли здоровы.

Анна. Вы меня, докторъ, поскорѣй выпишывайте. Я хочу въ тюрьму.

Вознесенскій (*мрачно*). Хорошо, хорошо... Поспѣете еще туда. Вамъ надо еще немного поправиться. Больно организмъ въ свой распах-

тали. Вамъ бы теперь въ полной красѣ надо быть... а вы посмотрите-ка на себя. (*беря ея руку.*) Дайте-ка мнѣ вашъ пульсъ полюбопытствовать. (*молчаніе.*) Пульсъ-то пошаливаетъ... И очень даже пошаливаетъ.

Анна. Я испугалась стука. Сердце у меня сильно забилося.

Вознесенскій (*качая головой*). Эхъ, какъ вы уходили-то себя, барынька. Ни на что похоже. Всѣ нервы у васъ ходуномъ ходятъ.

Анна (*болтливо улыбаясь*). Вотъ въ Сибири поправлюсь. Совсѣмъ безмятежная жизнь будетъ. (*съ волненіемъ.*) Только еслибы можно было все забыть... Еслибы можно забыть!

Вознесенскій (*грустно*). Попривыкнете. Сживетесь. Вы теперь-то не очень волнуетесь. А то у васъ опять сердечный припадокъ повторится...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Вознесенскій, Анна Аванасьевна и Куманинъ. (*Куманинъ входитъ грустный и блѣдный, но старающійся улыбнуться.*)

Куманинъ (*входя*). Можно, докторъ?

Анна (*бросаясь къ мужу*). Здравствуй, Жоржъ! (*цѣлуетъ его.*) А папа что же? А она? Не придетъ? Не хочетъ идти ко мнѣ?

Куманинъ. Нѣтъ... Она придетъ. Папа за ней поѣхалъ. Она согласилась.

Анна (*радостно*). Согласилась? Придетъ! Какая она добрая! Спасибо ей!

Вознесенскій (*подходя*). Поменьше волнуетесь! Поменьше! А то я вамъ совсѣмъ свиданія запрещу. (*пожимая руку Куманину.*) Хотя вы-то ее останавливайте. Нельзя ей такъ волноваться.

Анна (*смирненно и испуганно*). Я не буду, докторъ. Я постараюсь. Я, просто, сама на себя сержусь за это. Да что же мнѣ дѣлать, докторъ?

Вознесенскій (*уныло*). Сдерживать себя. Все это распушенность. Я однако пойду. У меня еще больной есть. (*уходитъ.*)

Анна (*Куманину*). Ну, что же?... Что она говорить? Какъ она отвѣтила на мою просьбу? Какъ она отнеслась къ моему письму? Все, все скажи мнѣ, Жоржъ! Какъ она приняла тебя?

Куманинъ. Ничего... Хорошо приняла... Прочла письмо... заплакала... Скажите, говорить, что приду... Ахъ, Аня, она какая-то стала странная... И взглядъ у нея такой холодный, пронизывающій.

Анна. Да, да! Ужасный взглядъ... Неумолимый, страшный! Я это въ судѣ замѣтила... Она одинъ только разъ на меня взглянула, и я даже теперь чувствую на себѣ ея взглядъ... Мнѣ тогда захотѣлось спрятаться отъ нея куда-нибудь... Провалиться! (*съ нервной боязнью.*) Жоржъ! А вдругъ она сегодня войдетъ ко мнѣ...

И посмотреть такъ мнѣ въ лицо! Я умру тогда, Жоржъ. Непремѣнно умру.

Куманинъ (*сдерживаясь*). Аня! что ты говоришь, Аня! Ты забыла, что тебѣ докторъ сказалъ... Ты опять начинаешь волноваться!

Анна (*сдержанно*). Не буду... не буду, Жоржъ! (*Молчаніе.*)

Куманинъ. Ты знаешь, Аня! Вчера я изъ тюренняго управленія отвѣтъ получилъ.

Анна (*съ интересомъ*). Какой отвѣтъ? О чемъ?

Куманинъ. Мнѣ позволили тебя на свой счетъ вести... Съ однимъ конвойнымъ.

Анна (*равнодушно*). А... Все равно... Только-бы скорѣй отсюда...

Куманинъ. И городъ хорошій для поселенія назначили, по моей просьбѣ... Климатъ, говорятъ, тамъ превосходный... Совсѣмъ южный климатъ... Минусинскъ—городъ называется.

Анна (*совершенно равнодушно, совсѣмъ о другомъ думая*). Минусинскъ... какое странное названіе.

Куманинъ. Я справлялся у одного сибиряка о жизни въ Минусинскъ... Онъ очень хвалить... хорошенкій, говорятъ, городокъ... На берегу Енисея стоитъ... Тихій, говорятъ, городокъ... Общество дружно живетъ... Клубъ, говорятъ, есть... любительскіе спектакли бываютъ.

Анна (*съ тревогой*). Жоржъ! Голубчикъ, дорогой мой, зачѣмъ ты это все мнѣ говоришь?

Куманинъ (*смѣшавшись*). Да почему-же не говорить... Вѣдь намъ жить тамъ съ тобой придется... Все-таки интересно.

Анна (*снова начиная волноваться*). Жоржъ, знаешь что!... ты, можетъ быть, удивишься... ты найдешь странной мою просьбу... Но я искренно... Я совершенно искренно...

Куманинъ. Да, я вѣрю, вѣрю, Аня!

Анна (*порывисто, горячо, страстно*). Жоржъ, ты же ѣздилъ со мной въ Сибирь! Не надо! ты подожди, ты не прерывай меня... Дай мнѣ тебѣ все досказать... Вѣдь все равно я это буду думать... Я буду волноваться... Ну, только ты позволь мнѣ тебѣ все высказать... Можетъ быть ты и согласишься со мной... Позволь...

Куманинъ (*со вздохомъ*). Говори, говори, Аня... я слушаю.

Анна (*начинаетъ сдержанно, а затѣмъ падаетъ въ прежній, страстный тонъ*). Видишь, Жоржъ, что я тебѣ хочу сказать... Вѣдь мнѣ совсѣмъ не того хочется теперь, не того, что ты говоришь... «Тихое спокойное житье.—Хорошенкій городокъ»... Все это можетъ быть кому-нибудь и привлекаетъ... Кому-нибудь такъ и хорошо будетъ, а не мнѣ... Я бы хотѣла, чтобъ меня на каторгу послали!... Чтобы меня, какъ всѣхъ!.. Какъ послѣдняго разбойника держали, въ цѣпяхъ... Да, Жоржъ, страданія мнѣ хочется... а не тихой жизни... Вѣдь за-

быть этого я не могу... Не могу простить себѣ... И если я буду страдать, работать до упаду, если я буду претерпѣвать униженіе, то мнѣ легче будетъ... Я буду этихъ, моихъ страшныхъ униженіемъ и страданіями, искупать свой поступокъ. Мнѣ будетъ это утѣшеніемъ!.. Мысль о томъ, что я всей жизнью, каждой минутой своей жизни, плачу за его смерть, будетъ успокаивать мою совѣсть... Вѣдь нѣтъ ничего нутельнѣй страданія своей совѣсти, Жоржъ! Ужъ это-то я знаю!... Я поэтому и прошу у всѣхъ прощенія! Чтобы чѣмъ-нибудь облегчить свой грѣхъ... А сама-то себя я никогда, никогда, до самой смерти не прощу... Низачто не прощу... А тутъ ты говоришь «Въ своеѣ экипажѣ съ тобой... Тихій городокъ»!... Да вѣдь это-то самое страшное наказанье и есть, Жоржъ!.. Все, что облегчаетъ мои страданія внѣшнія, то вымываетъ у меня внутри цѣлый адъ мученій! Вѣдь въ этомъ-то и вся драма! Пойми ты это, Жоржъ, пойми! Вѣдь это тоже эгоизмъ!.. Самый чистый эгоистическій расчетъ! И какъ тонко выдуманно, какъ рассчитано!

Куманинъ. Ради Бога! Аня!.. Я не могу слышать, что ты говоришь!... Пожалѣй меня, Аня! Вѣдь я не могу жить безъ тебя!.. Ради меня, ради всего святаго, успокойся, Аня... Я боюсь за тебя.

ЯВЛЕНІЕ 4-е

Анна Аванасьевна, Куманинъ, Сокольскій и Варя.

(Сокольскій входитъ, понуривъ голову, за нимъ тихо входитъ Варя съ блѣднымъ, безстрастнымъ лицомъ и останавливается у входа.)

Анна (*увидавъ отца и Варю, блѣднѣетъ, закусывая губы, прижимаетъ руку къ сердцу и совершенно застываетъ въ этой позѣ*). Она! Пришла...

Сокольскій (*подходя къ Аннѣ Аванасьевнѣ*). Здравствуй, Аня... (*цѣлуетъ ее въ лобъ*.) Поди же, поздоровайся съ Варенькой... Она пришла къ тебѣ... Ты такъ хотѣла ее видѣть.

(Анна Аванасьевна молча, тихо, опустивъ глаза, подходитъ къ Варѣ и вдругъ неожиданно становится на колѣни и кланяется ей въ ноги.)

Варя. Что вы?... Зачѣмъ это?.. Встаньте, встаньте...

Куманинъ (*со стономъ*). Ахъ Богъ ты мой!.. Какое мученіе!... (*отходитъ къ койкѣ*.)

Сокольскій (*смотря въ окно, смахиваетъ слезу*). Несчастная!...

Анна (*упавшимъ голосомъ*). Простите!...

Варя (*сдержанно и холодно*). Встаньте, Анна Аванасьевна!.. Не мнѣ вѣсть судить... Зачѣмъ вамъ мое прощеніе... Встаньте!...

Анна (*не вставая*). Варя! Варвара Петровна!

на! Выслушайте меня!... Я всю душу вамъ открою!.. Дайте же мнѣ возможность хоть немного, хоть одну каплю моихъ душевныхъ страданій облегчить... снять съ себя... Вы не думайте, что я хочу оправдывать свой поступокъ... Нѣтъ... никогда!... Я знаю... я чувствую, ему нѣтъ оправданій... Ни чѣмъ искупить его я немогу... Но мнѣ не хочется, чтобы вы думали, что я такъ поступила изъ злобы къ нему... къ вамъ... Клянусь вамъ — нѣтъ! Я пришла съ тѣмъ, чтобы объясниться съ нимъ... Сказать ему, чтобы онъ не думалъ, что я хочу нѣшать его счастью... Вѣдь я хотѣла себя убить... Да, одну себя... А потомъ, когда онъ пришелъ, у меня мелькнула мысль... И я со всѣмъ ничего не помнила... Ничего не соображала... Мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось умереть съ нимъ вмѣстѣ... Ахъ, какой это ужасъ! Я даже теперь не могу понять, какъ это все случилось. Но я не хотѣла его смерти!.. Клянусь вамъ — не хотѣла!

Варя (съ сильною волненіемъ, но сдерживаясь). Къ чему вы мнѣ все это говорите? Его нѣтъ — онъ умеръ отъ вашей руки... И вы просите у меня прошеніе.

Анна (закрывая лицо руками). Ахъ, да не смотрите же вы на меня такъ... Не смотрите...

Варя. Я пришла къ вамъ съ тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я все забыла... все простила... Со вчерашняго дня я только и думала объ этомъ... И мнѣ показалось, что у меня нѣтъ злобы на васъ... Но я пришла и все вспомнила... (въ слезахъ) Скажите сами, могли ли я забыть все, что произошло?... Могли ли искренно простить васъ?... Предо мной только что мелькнуло счастье... Вы отняли его... Могли ли я забыть все это?... Онъ умеръ со словами прощенія вамъ... но я не въ силахъ сдѣ-

лать этого... Нѣтъ... (съ страданіемъ.) Зачѣмъ вы позвали меня сюда?... Зачѣмъ вамъ мое прощеніе... Вы заставили меня пережить все снова... (сильно.) Нѣтъ, не пойму я васъ... Никогда не пойму... Не въ силахъ я понять, какъ можно убить любимаго человѣка?...

Анна (униженная, убитая горемъ, смертельно блѣдная). Пощадите!... Пощадите!...

Варя (сильно, не слыша словъ Анны Аванасьевны). Самой умереть... Все отдать за его счастье!... Но вашего поступка не пойму!... Никогда!... Подумайте вы сами... Можно-ль забыть... Простить... (Анна Аванасьевна еле держится на ногахъ во время монолога Варя, нѣсколько разъ хватается за сердце. Лицо ея выражаетъ страшную внутреннюю муку.)

Анна (при послѣднихъ словахъ сильно вскрикиваетъ, хватаясь за сердце). Ахъ!... (Пошатываясь, дѣлаетъ одинъ быстрый шагъ впередъ и тихо падаетъ.)

Куманинъ (бросаясь къ ней). Аня!... Что съ тобой, Аня!... (наклоняется надъ трупомъ Анны Аванасьевны.)

Сокольскій (съ тревогой, поспѣшно уходя). Доктора!... Ради Бога — доктора скорѣй!.. (уходитъ.)

Куманинъ (совершенно потерянный). Аня!... Аня!... Что съ тобой?... (смотря на нее). Аня!... Умерла!... (со стономъ.) Холодѣть?... Смерть!... (съ рыданіемъ.) Аничка!... Дорогая!... Несчастная!... (рыдаетъ.)

(Варя дѣлаетъ невольнo нѣсколько шаговъ, пораженная останавливается надъ трупомъ Анны Аванасьевны; съ блѣднымъ лицомъ, широко открытыми глазами, она пристально смотритъ на нее, приложивъ руку къ сердцу.)

Драма „Ранняя осень“ въ изданіи нашего журнала разрѣшена къ представленію безусловно — см. *Правительственный Вѣстникъ* 1891 года № 31.

Вамѣнъ переписыванія ролей въ драмѣ „Ранняя осень“ могутъ быть пріобрѣтаемы въ конторѣ нашего журнала отдѣльные печатные оттиски этой пьесы. Цѣна полнаго комплекта (10 экз.) — 5 руб. Гд. подписчики за пересылку не платятъ.